

Министерство образования и науки Российской Федерации

Уральский государственный экономический университет

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ
К 100-летию российской революции 1917 года

Сборник научных статей

Екатеринбург
2017

УДК 94(470)«1917»
ББК 63.3(2)6
Ч-39

Ответственные за выпуск:

кандидат исторических наук, доцент
И. В. Борзихина

кандидат исторических наук, доцент
М. А. Клинова

Ч-39 **Человек, общество, власть. К 100-летию российской революции 1917 года** [Текст] : сб. науч. статей / [отв. за вып. : И. В. Борзихина, М. А. Клинова]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. – 106 с.

В сборнике представлены научные статьи преподавателей кафедры истории и философии УргЭУ. В публикуемых материалах отражен широкий круг проблем, связанных с изучением и осмыслением российской революции 1917 г., а также важных исторических событий, определивших ход истории в течение последующих лет.

Издание адресовано студентам, молодым ученым, преподавателям.

УДК 94(470)«1917»
ББК 63.3(2)6

© Авторы, указанные в содержании, 2017
© Уральский государственный
экономический университет, 2017

В. Г. Благодатских

Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и философии
Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-72. E-mail: profkom@usue.ru

Д. К. Стожко

Кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и философии
Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-12. E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Теория и практика партии эсеров в 1917 г.

В статье анализируется концепция «аграрного социализма» эсеров и ее эволюция в дореволюционный и послереволюционный периоды. Показано различие в постановке аграрного вопроса между большевиками и эсерами. На этом основании делается вывод о неправомерности объединения буржуазной (февральской) и социалистической (октябрьской) революций 1917 г. в единую революцию. Предложено краткое содержание учебного спецкурса по истории партии эсеров для студентов гуманитарных и экономических специальностей.

Ключевые слова: революция; аграрный социализм; социализация земли; эсеры; большевики; буржуазия; пролетариат.

Революционные события 1917 г. в России современные историки пытаются трактовать в контексте общего революционного процесса и характеризовать как *единую* русскую революцию. Это принципиально неверно по многим причинам. И в первую очередь в связи с тем, что февральская революция 1917 г. была революцией буржуазной и преследовала сугубо общедемократические цели, а октябрьская революция была революцией пролетарской и имела другие задачи. Объединение двух совершенно разных потоков социально-политического развития в единый органичный поток исторического процесса в высшей степени субъективно и не соответствует историческим фактам.

Для обоснования данной позиции в нашей статье мы попытаемся рассмотреть эсеровский подход к аграрному вопросу,

центральной звеном которого была собственность на землю. Известно, что по этому вопросу в партии эсеров велись постоянные и ожесточенные дискуссии, а тема социализации земли даже стала одним из факторов дезорганизации партийной работы в период 1907–1917 годов.

И только более или менее единое понимание этой проблемы, сложившееся в результате внутривнутрипартийной борьбы и долгих споров, позволило этой партии стать одной из ведущих политических сил, в частности, в февральских событиях 1917 г.

В вопросе о социализации земли и решении аграрного вопроса в целом позиция эсеров принципиально отличалась от позиции большевиков. Это еще один аргумент в подтверждение того, что в 1917 г. в России произошли две революции, а не одна.

Круг проблем, связанный с анализом аграрной программы эсеров, достаточно основательно изучен в отечественной исторической науке. Можно назвать работы П. В. Волобуева, В. Н. Гиневой, К. В. Гусева, Е. В. Иллерицкой, Т. А. Сивохиной, М. В. Спириной, Н. М. Спирина, К. П. Стожко, С. В. Тютюкина и др. Можно также сослаться на работы современников, участников тех лет, А. Дана, С. Зака, Н. Макарова, В. Трутовского, А. Пешехонова, А. Устинова и т. д.

Выделим ряд наиболее важных проблем и вопросов в области политики партии эсеров, которые можно структурировать в виде небольшого спецкурса по данной теме.

Представления лидеров эсеров об экономике социализма. В. М. Чернов о социализме как новом экономическом строе. Социально-экономические идеи В. М. Чернова и их значение в истории российской экономической науки. И. Иванов-Разумник и Н. Огановский о примате распределения над производством. Потребительская направленность экономических трактовок социализма у эсеров. Критика эсерами экономического содержания народничества. Отношение к социализму. Критика В. И. Лениным представлений эсеров о социалистической экономике.

Эсеры об экономических предпосылках социализма в России. О национальном типе и особенностях капитализма в России. С. Маслов о капитализме и социализме как особых формах обмена и распределения. С. Зак и его работа «Организация труда и капитала» (1911 г.). Эсеры о содержании и роли частной собственности в новом

обществе. Теория «гиперимпериализма» В. Чернова. Обобществление производства и характер земельной собственности при социализме. Взгляды эсеров на сельскую общину. О концентрации производства и капитала в России. Отношение эсеров к аграрной реформе 1906–1911 гг. Эсеры о роли государства в переходный период.

Эсеры о путях перехода к социализму. Программа построения «аграрного социализма». С. Маслов («Крестьянское хозяйство», 1911 г.). Взгляды Н. П. Макарова и А. А. Рыбникова на организацию крестьянского хозяйства при социализме. Эсеры о социализации земельной собственности. Революционно-демократическое содержание теории крестьянского хозяйства эсеров. Взгляды эсеров на роль и значение кооперации.

Первый съезд социалистов-революционеров: программа построения социализма в России. О роли крупного машинного производства в экономике. О национализации земли. О частной собственности на землю. Вопросы организации трудовых отношений. Вопросы о формальном и реальном обобществлении производства. Об эксплуатации.

Проекты «33-х» и «104-х» в I Государственной думе и «105-и» во II Государственной думе. В. И. Ленин о народническом характере аграрной программы эсеров.

А. В. Пешехонов о принципах социалистической организации землепользования. Д. Фирсов и И. Якобий («К пересмотру аграрной программы и ее обоснования», 1908 г.). В. Вихляев и А. Новоторяский о передаче земли в общенародную собственность. Н. Суханов о необходимости пересмотра народнической идеализации принципа «трудового начала».

Переход эсеров от революционной фразеологии на реформистский путь решения аграрного вопроса в России. Проект земельной реформы эсеров (1917 г.).

Экономические взгляды левых эсеров в переходный период. Подготовка закона о социализации земли. Эсеры о многоукладности аграрной экономики. И. Майоров и А. Колегаев об уравнительном землепользовании и нормативном землеустройстве. О роли индивидуального землевладения. В. Трутовский, А. Устинов, М. Натансон-Бобров о развитии коллективных форм хозяйствования. В. Трутовский и его работа «Переходный период» (1918 г.). Крушение концепции «аграрного социализма» эсеров и позднейшая эволюция их социально-экономических взглядов.

В. И. Ленин о содержании и роли теории «аграрного социализма» эсеров. О необходимости переосмысления роли и содержания теории «аграрного социализма» эсеров в современных условиях.

* * *

Партия эсеров – социалистов-революционеров – официально возникла в 1905–1906 гг., когда прошел учредительный съезд этой партии. Но само по себе движение эсеров появилось раньше, а именно в 1895–1896 гг.

Основным разработчиком теории эсеров стал В. М. Чернов (1873–1952 гг.). И главным для эсеров на протяжении всего срока существования этой партии был отнюдь не вопрос о власти (как для большевиков), а аграрный вопрос.

«Для нас, – писал В. М. Чернов, – крестьянство резко делится на две принципиально отличные категории: 1) трудовое крестьянство, живущее эксплуатацией собственной рабочей силы; 2) сельскую буржуазию – среднюю и мелкую, – в большей или меньшей степени живущую эксплуатацией чужой рабочей силы» [5, с. 4–5].

Рассматривая трудовое крестьянство как основу аграрной экономики страны, В. М. Чернов выделял два основных отряда. Во-первых, трудовое крестьянство, живущее исключительно продажей своей рабочей силы и полностью лишенное собственности на средства производства. Во-вторых, трудовое крестьянство, являющееся самостоятельным слоем земельных собственников, владеющее необходимыми средствами производства, но осуществляющее свою деятельность исключительно на основе личного и семейного труда.

«Между двумя этими элементами населения существует, при всех частных различиях, огромное принципиальное сходство, – отмечал лидер эсеров. – Основой существования и тех, и других является труд как определенная политико-экономическая категория. Это раз. Во-вторых, те и другие в современных условиях безжалостно эксплуатируются непосредственно в процессе производства капиталистическими предпринимателями, другие косвенно, в сфере обращения товаров, в сфере арендных или долговых сделок – но это только различные внешние формы извлечения неоплаченного труда. Сущность взаимных отношений между сельским хозяином и батраком, с одной стороны, между самостоятельным земледельцем и заимодавцами, землеладельцами, кулаками, с другой стороны, совершенно одинакова. Это существо, эта хозяйственная сущность тех и других

отношений формулируется словами: содержание эксплуататорских, паразитических классов на свой не оплаченный ими труд» [5, с. 5].

Как видно уже из этих суждений, теория эсеров – это теория, если пользоваться терминологией советской историографии, мелкобуржуазного социализма [3]. В этой теории были и свои слабые моменты. Например, идеи уравнительного распределения земли. Но называть теорию эсеров традиционно мелкобуржуазной неверно. И вот почему.

Высказываясь против того, чтобы называть рабочими только промышленных пролетариев (как это делал еще К. Каутский), а крестьянство скопом – мелкой буржуазией, В. М. Чернов отмечал: «Мы провозглашаем в деревне клич международного рабочего гимна: рабочие и крестьяне, мы все – великая партия работников» [5, с. 6–7].

В самом деле, на селе существовала значительная категория мелких пролетариев, полностью лишенных средств к существованию – *батраков*. Эсеры считали, что выходом из бедственного положения батраков может служить только кооперация – объединение их в союзы для совместной хозяйственной деятельности. Таким образом, ставилась проблема социализации земли для ее совместной обработки (в форме товариществ по совместной обработке земли). На I съезде партии некоторые делегаты даже предлагали провести социализацию заводов и фабрик, в связи с чем в самой партии появились минималисты (сторонники аграрных преобразований) и максималисты (сторонники аграрных и промышленных перемен).

Лидер партии В. М. Чернов пытался соединить эти два крыла партии и по другому вопросу: об отношении к зажиточному крестьянству. Он, в частности, писал об ошибочности утверждений о том, что «партия социалистов-революционеров выражает интересы только беднейшей части крестьянства».

В брошюре «Пролетариат и трудовое крестьянство» он подробно анализировал положение пролетариев-батраков в русской деревне и выяснял их действительную роль в революционном движении. В. М. Чернов писал: «Мы различно определяем содержание понятия „рабочий класс“. С нашей точки зрения, этим понятием охватываются те элементы деревни, источником

существования которых является труд, и ровно постольку, поскольку этим источником является труд. Для многих из наших марксистов, напротив, понятие рабочего класса является более узким, охватывая собою лишь пролетарские, бесхозяйственные элементы деревни. Они хотят защищать интересы наемного труда; мы готовы защищать интересы тружеников вообще» [5, с. 16].

Выступая против разобщенности сельского пролетариата, критикуя И. Гурвича, а также авторов издававшегося под редакцией Г. В. Плеханова журнала «Работник» за неверие в «будущность синдикатов сельскохозяйственных рабочих», в возможности объединения не только пролетарских, но и полупролетарских, а также хозяйских крестьян, В. М. Чернов одновременно высказывает следующее соображение. Не только и не столько развитие капитализма, капитализация сельского хозяйства и пролетаризация масс аграриев будут способствовать их объединению в борьбе с капиталистической эксплуатацией, сколько развитие в среде самих пролетариев чувства солидарности, товарищества, готовности к борьбе за общие интересы. В. М. Чернов, в частности, ссылается на примеры, когда сельский пролетарий в своей семье выступает в роли точно такого же деспота, как и помещик или капиталист в производстве. Или когда конкуренция, которую обычно относили к сфере мелких собственников и далее, разъединяет и ряды пролетариев. Или когда, наконец, нарастание пролетаризации села вовсе не вызывает адекватного нарастания классового сопротивления и тем более не делает такое сопротивление конструктивным, а классовую борьбу созидательной, а не разрушительной.

Чтобы понять попытки В. М. Чернова добиться объединения трудящихся крестьян, а в особенности сельских пролетариев, следует напомнить полемику, которую он вел с Г. В. Плехановым. Последний полагал, что в конкретной ситуации начала XX века не было благоприятных политических и социально-экономических условий для социалистической агитации и общедемократической пропаганды среди всех слоев крестьянства. И потому призывал нацеливать агитацию исключительно на сельский пролетариат. В этом Г. В. Плеханов сходиллся с В. И. Лениным. В отличие от них В. М. Чернов считал, что необходимо

агитировать всю крестьянскую массу населения. «Как свергнуть старый порядок, – спрашивал он, – если громадное большинство населения в России – крестьянство – будет по-прежнему пассивно? Об этом следовало бы особенно подумать именно марксистам, ибо они настойчиво противопоставляют себя „бланкистам“, „якобинцам“, желающим опереться на „революционное меньшинство“».

В этом, собственно, и состоит главное отличие эсеровской теории и практики от практики большевиков. В опоре на все крестьянство. Потому эта партия и была в России самой массовой. И, рассуждая логически, именно их с полным правом можно было бы считать большевиками в стране – их сторонников было большинство.

Напомним, что В. И. Ленин призывал к разобщению в обществе и партии (разъединиться, чтобы потом объединиться). В. М. Чернов этого не делал. Если В. И. Ленин предлагал не идти на компромиссы с буржуазией, под которой он понимал трудовые семейные крестьянские хозяйства, то В. М. Чернов высказывался за широкое взаимодействие всех организационно-правовых структур в аграрном секторе экономики.

Если, наконец, В. И. Ленин высказывался против общественного примирения и за политическую конфронтацию, то В. М. Чернов подобными провокациями никогда не занимался.

Его позиция состояла в том, что «принцип сотрудничества, как известно, требует находить мирные способы решения наших разногласий, стремиться, насколько это возможно, к переговорам, искать и достигать компромисса, который может удовлетворить все спорящие стороны».

Вместе с тем можно отметить нечеткость в понимании эсерами характера и социального содержания социализации земли. Следует подчеркнуть, что в некоторых вопросах эта нечеткость действительно была результатом ошибочных представлений отдельных представителей партии. В. М. Чернов всегда высказывался против крупной частной собственности на землю, но отмечал тягу крестьян к своему земельному участку и указывал на то, что «даже среди городских рабочих некоторых типичных капиталистических стран обнаруживается тенденция к обзаведению небольшой земельной собственностью».

Но, как справедливо отмечала М. В. Спирина, сам В. М. Чернов выступал против путаницы, нечеткости в понимании социализации земли, его взгляды на этот счет были гораздо более логичными и продуманными, чем взгляды некоторых его соратников, считавших социализацию земли социалистической программой, осуществление которой связано с непосредственным построением социализма» [3, с. 45].

«Социализация земли, – писал В. М. Чернов, – еще не уничтожает всякую эксплуатацию в деревне, потому что крестьян эксплуатирует не один лишь капитал, вложенный в землю, но и другие виды капитала: торговый, кредитный, биржевый и др.» [5, с. 49–50].

Раскрывая сущность социализации земли, лидер эсеров указывал, что «из частной собственности лица изымается известная совокупность прав и передается коллективности или распределяется между коллективностями», при этом сами «коллективности могут быть различны: государство, самоуправляющаяся область, городской муниципалитет, сельская коммуна, демократически организованная кооперация или товарищество».

Необходимо при проведении социализации земли «комбинировать» в соответствии со своими интересами «распределение между этими коллективностями прав, отходящих к обществу от индивидуума».

Давая широкий обзор конкретных попыток социализации собственности на примере Бельгии, Германии, некоторых других стран, В. М. Чернов тут же высказывается против всеобщего огосударствления объектов собственности, особенно земельного фонда страны. В этом также состоит отличие теории и практики партии эсеров от теории и практики партии большевиков.

То, что лидер российских эсеров оказался прав, подтверждается новой экономической политикой (НЭП), которую вынуждены были ввести большевики после прихода к власти и после печальных итогов «кавалерийского наскока» «военного коммунизма». «НЭП стал победой крестьянского традиционализма» [2, с. 90].

Естественно, что социализация земли отнюдь не есть исключительно пролетарский социализм. Она скорее напоминает движение к некоей общенародной форме социализма, к тому,

что в конце 1980-х годов стали называть «социализмом с человеческим лицом». Не случайно именно тогда и появилась в очередной раз идея о широком развитии фермерства в сельском хозяйстве и плюрализме форм собственности. То, что этот социализм в нашей стране так и не был построен (прежний социализм перестроен), а оказался заменен «периферийным капитализмом» (термин Р. Пребиша) [1] и стал обозначаться новым *симулякром* «рыночная экономика», уже другой вопрос.

Внутренние разногласия между эсерами привели к тому, что партия оказалась дезорганизованной. И только на III съезде в 1917 г. ее удалось более или менее восстановить. Эсеры заявили о поддержке Временного правительства, надеясь, что оно пойдет по пути социализации земли и не допустит сохранения крупного частного землевладения. Известно, что некоторые эсеры оказались в составе Временного правительства. В том числе и В. М. Чернов, ставший министром земледелия.

Эсеры, в первую очередь левые, официально и с гордостью отмечали, что в революции якобы восторжествовала их программа социализации земли.

Но после Октябрьской революции этот тезис стал неактуальным. Выход декрета Советского правительства о земле, казалось бы, подтверждал идею эсеров. Но в условиях военного коммунизма говорить о социализации земли уже не приходилось. А «великий поворот» деревни (курс на коллективизацию), начавшийся в 1929 г., полностью свел на нет возможность такой социализации.

Выдвигая свой проект «аграрного социализма» в качестве основы социально-этической оценки экономической реальности и «общественной солидарности», В. М. Чернов в целом исходил из идей К. Маркса [4, с. 224]. И, как справедливо пишет Н. С. Шухов, для него, как и для российских эсеров, «было характерно стремление соединить два момента – теоретический анализ общественного развития и социально-этическую оценку этого развития» [6, с. 290].

Конечно, в этом стремлении В. М. Чернов не мог не оказаться в какой-то степени романтиком или просто старомодным. Логика революционных событий оказалась далекой от логики экономических идей. Но в современных условиях идеи эсеров

в области аграрного обустройства страны, на наш взгляд, вновь становятся актуальными.

Главные идеи В. М. Чернова – это социализация собственности и развитие социального партнерства, совместное участие широких масс трудящихся в создании нового социально-экономического строя, «трудового строя» в России. В. М. Чернов неоднократно и аргументированно высказывался против эксплуатации, бюрократизма, огосударствления и излишней централизации управления хозяйством, использования различных форм административного насилия и внеэкономического принуждения, против классовой непримиримости. Он, как и многие его соратники по партии, выступал за соблюдение принципа социальной справедливости (не случайно современные эсеры назвали свою партию «Справедливая Россия»), за многообразие форм хозяйственной деятельности, за самоуправление и экономическую свободу трудящихся, за ответственное и уважительное отношение людей к себе и друг к другу.

Конструктивная составляющая социалистического идеала В. М. Чернова состояла не в политизированной или идеологической интерпретации тех или иных экономических проблем, а в нравственном их понимании.

Литература и источники

1. *Пребиш Р.* Периферийный капитализм. Есть ли ему альтернатива? : пер. с исп. М., 1992.
2. *Роль* эндогенных и экзогенных факторов в развитии российской цивилизации (XVIII – начало XX века). Екатеринбург: УрО РАН, 2014.
3. *Спирина М. В.* Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М.: Наука, 1987.
4. *Стожко Д. К., Стожко К. П.* История социально-экономической мысли России: XX век. Екатеринбург: Стягъ, 2014.
5. *Чернов В. М.* Пролетариат и трудовое крестьянство. М., 1907.
6. *Шухов Н. С.* Политическая экономия социализма в 20-е годы. М., 1991.

Theory and practice of the socialist revolutionary party in 1917

The article analyzes the concept of «agrarian socialism» of the socialist-revolutionaries and its evolution in pre-revolutionary and post-revolutionary periods. Shows the difference in the formulation of the agrarian question between the Bolsheviks and the SRS. On this basis, the conclusion about the illegality of the unions to the bourgeois (February) and the socialist (October) revolution of 1917 into a single total revolution. Developed and offered a brief summary on the training course from the history of the socialist revolutionary party for students humanitarian and economic specialties.

Keywords: revolution; agrarian socialism; socialization of land; social revolutionaries; Bolsheviks; bourgeoisie; proletariat.

И. В. Борзихина

Кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории и философии

Уральский государственный экономический университет

620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Контактный телефон: (343) 221-27-12. E-mail: moka1954@yandex.ru

Политические слухи накануне революции 1917 г. (по мемуарам А. И. Спиридовича «Великая война и Февральская революция (1914–1917 гг.)»)

В статье анализируется распространение в российском обществе политических слухов накануне революции 1917 г. На основе мемуаров А. И. Спиридовича «Великая война и Февральская революция (1914–1917 гг.)» выявляется основная тематика политических слухов, их связь с политическими страхами и ожиданиями общества, роль слухов в делегитимации власти.

Ключевые слова: политические слухи; контрпродуктивный результат слухов; делегитимация власти.

Слухи являются неотъемлемым элементом в структуре неформальной коммуникации общества. Слухи существуют в любом обществе в любой период его истории, а в условиях социально-политической нестабильности их появление и распространение резко возрастает. Социологическими исследованиями подчеркивается, что одной из основных функций слухов на уровне индивида является снабжение человека информацией в неопределенных и угрожающих ситуациях, повышение способности ориентации в окружающей его реальности [4]. Слухи формируются под воздействием общей психологической атмосферы и отражают отношение общества к событиям. Поэтому слухи – это своеобразный источник информации об общественном мнении, о политических настроениях. Кроме того, слухи часто служат катализатором социально-политических событий и зачастую сами являются фактором формирования мнений и поведения людей. Таким образом, осмысление любого значимого исторического события будет намного полнее при изучении и анализе циркулирующих в тот момент в обществе политических слухов.

Проблеме изучения политических слухов накануне революции 1917 г. в современной российской историографии уделяется все больше внимания. Среди исследований, посвященных анализу слухов в российском обществе накануне революции 1917 г., большой интерес представляют работы В. Б. Аксенова и Б. И. Колоницкого [1–3]. Авторами подчеркивается значение слухов и страхов в массовом сознании и их роли в политическом поведении, отмечается их значение в процессе потери правительством легитимности в глазах общества, приведшей к «десакрализации монархии».

Психологическое состояние общества – трудноуловимая часть исторических исследований, так как субъективные ощущения и переживания людей не поддаются точной фиксации в традиционных исторических источниках. Но без учета этих ощущений и переживаний осмысление ключевых событий не может быть полным. Мемуарная литература позволяет восполнить этот пробел. Мемуары как исторический источник многомерны. В них заложена автобиографическая, социальная, социально-психологическая и другая информация, которая отсутствует в источниках иных видов. Мемуары воспроизводят представления, мысли, чувства, т. е. человеческое содержание истории, и являются незаменимыми источниками в процессе изучения общественных настроений.

В этой связи мемуары А. И. Спиридовича «Великая война и Февральская революция (1914–1917 гг.)» позволяют глубже понять психологическое состояние российского общества накануне революционных событий. Генерал А. И. Спиридович – начальник охраны царской семьи – в силу своего служебного положения и профессиональной деятельности имел доступ ко многим документам, являлся непосредственным свидетелем многих событий и лично знал их ключевых участников. Его книга основана на огромном количестве документов, собственных дневниковых записей, что позволило представить широкую панораму событий, происходивших на фронте, в Петрограде и Москве, в высших кругах военной и гражданской власти. Особый интерес в воспоминаниях представляет описание политических слухов, распространенных в предреволюционные годы в обществе. Мемуары А. И. Спиридовича – человека информи-

рованного и вдумчивого – являются тем источником, который дает представление о политических настроениях его современников.

Описывая подробно события 1914–1917 гг., А. И. Спиридович уделяет внимание возникшим в обществе политическим слухам, так как часто общался со многими людьми своего круга. Социальные группы, в которых циркулировали описанные им слухи, автор называет «люди хорошего Петроградского общества», «либеральные круги и высшее Петербургское общество», «высшие круги в Москве», «вся интеллигентная Москва», «редакции газет и кулуары Государственной Думы». Выражаясь современным языком, эти группы можно обозначить как светскую и политическую элиту. А. И. Спиридович особо выделяет военные круги: «офицерство в Ставке», «в царских поездах» (сопровождение императора в его поездках по фронтам), «офицеры дворцового военного госпиталя», «строевые военные».

Анализ описываемых слухов позволяет выделить их основные сюжеты. Постоянной темой был шпионаж. Неудачи российской армии на фронте вызвали эту вполне закономерную в военное время интерпретацию их причин. А. И. Спиридович отмечает: «В те первые дни войны как-то странно сильно стали говорить в Петербурге о шпионаже немцев. Имя графини Клейнмихель, у которой, будто бы, был политический салон, где немцы почерпали много нужных сведений, было у всех на устах. Рассказывали, что ее арестовали. Говорили, что уже даже расстреляли за измену бывшего градоначальника Д. Все это были досужие сплетни, вздор, но ему верили» [5, с. 4]. Шпиономания не была исключительно русским явлением, она охватила все воевавшие страны. Слухи о русских, немецких, английских, французских и других шпионах приводили к насилию над гражданами этих государств, которых война застала в противоборствующих странах. Недоброжелательство ко всему немецкому провоцировало стихийные погромы. А. И. Спиридович стал очевидцем разгрома немецкого посольства в Петрограде: «Громадная толпа, с царским портретом впереди, шла к посольству. Слышались ругательства, угрозы по адресу Германии, Императора Вильгельма... Громадное здание посольства было освещено только внизу. Там бегали какие-то люди и выбрасывали в окна

какие-то предметы... Летели столы, стулья, комоды, кресла... Все с грохотом падало на тротуары и разбивалось вдребезги. Публика улюлюкала и кричала ура» [5, с. 3]. В Москве в 1915 г. разразился немецкий погром: «...Простой народ начал громить немецкие магазины... Погром продолжался три дня...» [5, с. 61].

Помимо слухов о немецком шпионаже А. И. Спиридович описывает слухи о шпионаже еврейском: «С фронта же шли слухи, что еврейское население чуть ли не сплошь занимается шпионажем. Это шло от строевых военных и авторитетно подтверждалось Ставкой» [5, с. 10]. Слухи разрастались и подталкивали к репрессивным мерам: «Евреев стали выселять из районов военных действий. Стали гнать внутрь России... Ставка обрушилась на еврейство рядом строгих репрессивных мер... Многим в тылу эти меры казались жестокими и несправедливыми, на фронте же часто их считали еще недостаточными» [5, с. 14].

Шпиономания носила как бытовой (поиск доказательств немецкого заговора в повседневной жизни), так и политический (обвинения в предательстве представителей власти) характер. Распространение в массовой психологии бытовой шпиономании приводило к тому, что обыватели распускали слухи о действовавших по соседству с ними тайных шпионских организациях. Подозревали русских немцев, не сменивших фамилий, в прямом вредительстве. Вызванную войной дезорганизацию общей инфраструктуры империи слухи относили на счет тайного немецкого вредительства. По словам А. И. Спиридовича, взрыв на Охтенских пороховых заводах в 1915 г. в слухах объяснялся немецким шпионажем в тылу [5, с. 44].

Слухи о внешних врагах дополнялись слухами о врагах внутренних. В марте 1915 г. в газетах появилось официальное сообщение о раскрытом предательстве подполковника запаса армии С. Н. Мясоедова и о его казни (как позже выяснилось, предательства не было). И. А. Спиридович отмечает: «Снова заговорили об измене повсюду. Все военные неудачи сваливались теперь на предательство. Неясно, подло намекали на причастность к измене военного министра Сухомлинова» [5, с. 41].

«Петербург кипел. Непрекращающееся отступление в Галиции и слухи о больших потерях подняли целое море ругани и сплетен. Говорили, что на фронте не хватает ружей и снаря-

дов, за что бранили Сухомлинова и Главное Артиллерийское Управление... Бранили генералов вообще, бранили Ставку... Бранили бюрократию... С бюрократии переходили на немцев, на повсеместный (будто бы) шпионаж, а затем все вместе валили на Распутина, а через него уже обвиняли во всю Императрицу... В высших кругах кто-то пустил сплетню о сепаратном мире. Кто хочет, где хотят, не говорилось, но намеками указывалось на Царское Село, на двор» [5, с. 47].

Стали распространяться слухи о «немецком засилье». Через эту призму интерпретировались многие события. Так, отстранение Николаем II от должности Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича и принятие на себя этих обязанностей породило слух о том, что Великого князя свалила «немецкая партия», что теперь скоро заключат сепаратный мир с немцами [5, с. 83]. Как результат «немецкого засилья» воспринималось увольнение одних и назначение на министерские посты других чиновников.

Круг потенциальных подозреваемых в измене быстро расширился до высших эшелонов власти. Доминирующим внутренним врагом в передаваемых слухах являлась императрица Александра Федоровна:

– «В Петрограде откуда-то шли сплетни, будто Государыня, и особенно ее сестра, переписываются со своими немецкими, родственниками. Будто Государь уже хочет заключить сепаратный мир» [5, с. 10];

– «Русские люди, считавшие себя патриотами, распространяли самые гнусные сплетни, что Государыня, как немка, хочет заключения сепаратного мира. Что того добивается вся немецкая партия при дворе и т. д.» [5, с. 126];

– «Председатель Гос. Думы Родзянко и многие другие кричали по гостиным, что приехавшая из Австрии Васильчикова (*прим.*: фрейлина императрицы) хлопчет о сепаратном мире, что того добивается „немецкая партия при дворе“, что того хочет Царица Александра Федоровна. Легенда росла и обрастала подробностями... Из приезда Васильчиковой устроили скандал, которым, через ее голову, били по Императрице. Таково было враждебное отношение к Ее Величеству даже среди высшего общества» [5, с. 126];

– известие о гибели ехавшего в Россию английского главнокомандующего Китченера породило слух, «будто бы Китченер погиб потому, что о его пути Царица Александра Федоровна предупредила Императора Вильгельма» [5, с. 169].

Скорость распространения и легкость, с которой публика верила слухам, показывает негативную установку общественно-го мнения по отношению к царской семье, готовность поверить в ее «измену». Подозрения в том, что власть тайно готовит сепаратный мир с немцами, отражали наэлектризованную атмосферу общественного сознания, когда малейшие сомнения быстро раздувались, превращаясь в «достоверные сведения». При этом расхождение слухов с реальными фактами обществом, как правило, не учитывалось. Показательна в этом отношении история с упоминавшимся выше визитом фрейлины императрицы М. А. Васильчиковой. В момент объявления Австро-Венгрией и Германией войны России М. А. Васильчикова проживала на своей вилле под Веной. Как подданная воюющей державы она была интернирована (ей было запрещено покидать свою виллу). Но, будучи интернированной, Васильчикова имела возможность встречаться на своей вилле со своими знакомыми, в том числе высокими сановниками Германии и Австро-Венгрии. Весной 1915 г. великий герцог Гессенский (брат императрицы Александры Федоровны) прислал М. А. Васильчиковой пропуск, позволяющий ей передвигаться по территории Германии. Васильчикова прибыла в Дармштадт, где встречалась с великим герцогом Гессенским и некоторыми высокопоставленными представителями кайзера, которые предложили ей быть посредником в переговорах о сепаратном мире. В декабре 1915 г. фрейлина через нейтральные страны прибыла в Петроград, где надеялась продолжить переговоры о сепаратном мире. Однако она была арестована, лишена фрейлинского звания и выслана из Петрограда в Чернигов. Несмотря на то что М. А. Васильчикова даже не встретилась с царской семьей, А. И. Спиридович отмечает, что «легенда росла и обрастала подробностями. Уже говорили, что навстречу Васильчиковой было послано доверенное лицо, что ее очень ласково, но тайно, приняли в Царском Селе, что она тайно выезжает туда неоднократно. Говорили о целом немецком комплоте, во главе которого стоит Императрица...

О Васильчиковой иначе не говорили, как о шпионке. В более низшие слои общества эта легенда прошла, как нечто неясное, но нехорошее, во что была замешана Императрица. Газеты инсинуировали на Васильчикову... Петербургское общество только и говорило, что о раскрытой „измене“ Васильчиковой, центр которой в Царском Селе. Никто не считался с энергичным, безупречным поведением Их Величеств в деле Васильчиковой» [5, с. 126–129].

Как отмечает Б. И. Колоницкий, слухи о «политической измене императрицы» никогда не были доказаны, но в ситуации общественного кризиса домыслы становились важнейшими фактами политической жизни [3, с. 373]. Они влияли на процесс принятия политических решений военными и политическими деятелями, иностранными дипломатами. Слухи, направленные против «царицы-немки», подрывали авторитет власти. Оппозиционные же силы использовали данные слухи в своих целях.

Тема «немецкого засилья» в слухах тесно переплеталась с темой «темных сил». Высшая государственная власть оказалась дискредитирована чередой скандалов вокруг Г. Е. Распутина и его окружения. Система «неофициальных влияний», сформировавшаяся вокруг императрицы Александры Федоровны и Распутина, фактически парализовала всю бюрократическую систему России. Период Первой мировой войны стал временем противостояния между официальными правительственными учреждениями и «неформальными влияниями» придворных групп. Огромный вред наносили различные авантюристы, которые использовали Г. Е. Распутина и А. А. Вырубову в своих целях. Многие дельцы, спекулянты, поставщики стали пользоваться ими для проведения своих дел. «Старец» стал приобретать большое влияние. Имени Распутина постоянно сопутствовало имя Вырубовой. Решение государственных вопросов через дворцовые интриги, явное влияние Распутина на назначение высших должностных лиц вызывало возмущение. Распутина подозревали в том, что он агитирует за сепаратный мир, что он пользуется покровительством немецкой партии. Спиридович отмечает, что «публика всему этому верила, понимая между строк, что за всем этим стоит Императрица» [5, с. 76]. «Слухи проходили в редакции газет, муссировались, проходили в разные круги общества,

до военных включительно. Сплетни кончались скабрёзными намеками на дворец» [5, с. 116].

Общество видело в Г. Е. Распутине и А. А. Вырубовой те самые «темные силы», которые управляли Россией: «Присутствие при поездках Царицы Вырубовой, которая не занимала никакой придворной должности, и имя которой было так тесно связано с именем Распутина, несло за Царицей все те сплетни, которые, обычно, были достоянием только Петрограда. Царица была упорна в своих симпатиях, Вырубова же не желала отходить от Ее Величества и тем наносила много вреда Государыне. С ней тень Распутина всюду бродила за Царицей» [5, с. 26]. Показательно в этом отношении мнение людей, входивших в сопровождение Николая II в его поездках. А. И. Спиридович приводит разговор в царском поезде:

«– И зачем только эту Вырубову берут с собою, да еще в Москву. Ну, сидела бы себе в Царском Селе и хорошо. А то, туда же. Одна грязь только, – с горечью говорил один из собеседников и махнул рукой.

– Да что она вам далась, чем она вам помешала, – сказал кто-то.

– Да мне-то она не мешает, – разгорячился генерал, – а вот Их Величествам не видно того, что мы свежие люди видим. Для вас она свой человек, а мне что? Ведь все сплетни о Распутине связаны с нею. Правда то, или нет – это другое дело. Но все связано с нею, и возить ее с собою это все равно, что живую рекламу Гришке устраивать. Ну, вот и результат» [5, с. 32].

Недоумение и недовольство общества вызывало сильное влияние обвиняемой в германофильстве императрицы на Николая II, его попустительское отношение к присутствию Г. Е. Распутина. В качестве объяснения этому появились слухи о том, «что с целью подчинения Государя влиянию Царицы его опаивают каким-то дурманом, что расслабляет ум и волю Государя». А. И. Спиридович пишет: «...А когда молодой и неуравновешенный Вел. Кн. Дмитрий Павлович бросал легкомысленную и ни на чем не основанную фразу о том, что Государя спаивают каким-то дурманом, этой галиматье также верили и ее передавали дальше и дальше и мы знаем теперь, какую роль сыграла именно эта сплетня в решении князя Юсупова убить Распутина» [5, с. 200].

Недоверие к членам императорской семьи приводило к дискредитации организованного ими дела помощи раненым воинам. Несмотря на объективно большой вклад, внесенный женой и дочерьми императора в это дело, общество не склонно было рассматривать их поступок как проявление патриотизма. Более того, как свидетельствует А. И. Спиридович, «... чего не понимал простой народ – это опрощения Царицы, переодевания Ее в костюм сестры милосердия. Это было выше его понимания. Царица должна быть всегда Царицей. И неудивительно, что в толпе одного чисто русского города, бабы, видя Государыню в костюме сестры милосердия, говорили. – То какая же это Царица, нет, это сестрица» [5, с. 27]. «Царица же, начав ухаживать за больными и ранеными, начав обмывать ноги солдатам, утратила в их глазах царственность, снизошла на степень простой „сестрицы“, а то и просто госпитальной прислужницы. Всё опростилось, снизилось, а при клевете и опошилось» [5, с. 261].

Военные неудачи, сбои в работе системы снабжения армии, слухи о шпионаже в пользу Германии и Австро-Венгрии на самом верху, сплетни о влиянии Г. Е. Распутина вели к утрате популярности императора, императрицы и царской власти вообще. Личный авторитет Николая II стал катастрофически падать, когда император возложил на себя обязанности Верховного главнокомандующего. Он стал лично ответственным за все военные поражения и тяжелую ситуацию, в которой находилась русская армия. Кризис российской государственности, вызванный Первой мировой войной, довольно быстро превратился в кризис личной власти Николая II. В условиях очевидного недоверия к власти в обществе стали резко активизироваться разговоры о дворцовом перевороте, причем среди высокопоставленных собеседников.

А. И. Спиридович приводит вспыхнувшие в обществе слухи, связанные с возможным дальнейшим развитием событий:

– «Заговорили о заключении Императрицы Александры Федоровны в монастырь и это связывалось со Ставкой» [5, с. 66];

– «... По Петрограду пошла сплетня, что Царица хочет быть регентшей, дабы облегчить уставшего Государя» [5, с. 175];

– «... Влияние Царицы и ее, как бы непосредственное участие в разрешении некоторых государственных дел подали неко-

торым рьяным из ее поклонников мысль, что она может стать, если понадобится, даже регентшей. От лиц самых близких Штюмеру шел этот слух, причем ссылались на слова самого Штюмера, а он, дескать, говорил на основании бесед с Императрицей. Сплетне верили, она плыла по Петрограду и неприязнь к Царице все увеличивалась и увеличивалась. Сплетня доходила до иностранных посольств наших союзников и производила самое неблагоприятное впечатление. Имя Штюмера у них было синонимом германофильства. Это было совершенно не верно, но этому верили упорно. И всё это снова обращалось во вред Царице» [5, с. 203];

– «Все чаще... говорили о низвержении Государя и передаче трона Наследнику. За малолетством последнего, намечали регента. Одни думали о Вел. Кн. Михаиле Александровиче, другие называли Вел. Кн. Николая Николаевича, третьи – Вел. Кн. Кирилла Владимировича. Говорили, что за первых двух старались представители общественности, а за последнего умно действовала Вел. Кн. Мария Павловна» [5, с. 200];

– «В некоторых гостиных перешептывались, что, будто бы Бьюкенен поддержит проведение на престол одного Великого Князя» [5, с. 230] (*прим.*: Джордж Бьюкенен – английский посол).

В приведенных А. И. Спиридовичем слухах о возможном дворцовом перевороте проглядываются политические ожидания общества. С одной стороны, в слухах обсуждался возможный приход к власти «великокняжеской оппозиции». С другой стороны, возможный приход к власти императрицы, ассоциирующейся в политическом сознании с «немецкой партией» и Г. Е. Распутиным. Этот второй вариант явно пугал общество, в связи с чем «...по Петербургу уже ползли слухи, что Распутина убьют, убьют и Вырубову, убьют и Царицу» [5, с. 214].

Убийство Г. Е. Распутина в декабре 1916 г. вызвало большой общественный резонанс. Сам А. И. Спиридович это убийство считал важным политическим событием и относился к нему настороженно: «Психоз кровавого военного времени, атмосфера сплетен, самонадеянность молодости, политическая наивность и большая доля аморальности и авантюризма обусловили выполнение того действия» [5, с. 215]. В мемуарах он за-

фиксирует реакцию «высшего общества» на известие об убийстве Г. Е. Распутина:

– «Из Петрограда передавали, что там, среди интеллигенции, настоящее ликование»; «...Некоторые хозяйки „принимали“». Некоторых визитеров встречали поцелуями, как на Пасху» [5, с. 217, 218];

– «Между тем слух об убийстве Распутина облетел вечером Ставку... офицерство в Ставке ликует. В столовой потребовали шампанского. Кричали ура» [5, с. 221].

И тут же пошла новая волна слухов, связанная с ожиданием того, что «...совершившееся – лишь начало террора. Что готовятся новые покушения. Что, в первую очередь, намечена А. А. Вырубова» [5, с. 217]. Охранное отделение установило в те дни, что самые фантастические слухи о предполагавшемся терроре распространялись несколькими молодыми дамами высшего общества, знакомыми участников убийства Г. Е. Распутина. «Всеобщее злорадство по поводу убийства Распутина и дальнейшие разговоры и критика всего, что делали в Царском Селе, были настолько резки и открыты, что в тогдашней сгущенной атмосфере создавалась легенда о „заговоре“ Великих Князей. Центром заговора считали Вел. Кн. Марию Павловну-старшую и, вообще, „Владимировичей“. Их, через жену Вел. Кн. Кирилла Владимировича, Викторину Федоровну, связывали с английским посольством. Легенда ширилась и ей верили» [5, с. 229].

Каждое сколько-нибудь значимое событие становилось отправным пунктом для распространения слухов, а само событие толковалось как подтверждение достоверности самых невероятных вымыслов. Горючий материал в стихию слухов добавляли и некоторые газеты. Описанная А. И. Спиридовичем стихия слухов и домыслов воссоздает политические настроения общества в военное предреволюционное время. Прежде всего, ощущается сильный отрицательный эмоциональный заряд по отношению к высшей власти, готовность поверить в самые неправдоподобные слухи. Если даже слухи и не воспринимались всерьез, ими с удовольствием делились. Само их обсуждение приносило моральное облегчение: «Наговорившись вдоволь, облегчив душу, стали расходиться» [5, с. 130].

Нараставший протест элиты против действий и поведения высшей власти усилил разрастание слухов о предательстве ею национальных интересов и о подверженности влиянию «темных сил». Стихийный рост слухов отражал критическое политическое умонастроение общества и способствовал потере легитимности власти правительством и монархом, запускал механизм общественного неповиновения.

А. И. Спиридович подчеркивает контрпродуктивный результат слухов, приводя как пример разговор с «неким членом Гос. Думы из правых»: «Подстрекаемый моими вопросами думец разволновался. – Идем к развязке, – говорил он, – все порицают Государя. Люди, носящие придворные мундиры, призывают к революции... Правительства нет... Протопопов – паяц... Все уверены, что он задумал добиться сепаратного мира. Все верят, что этого хочет Императрица. Верят и за это Ее ненавидят. Ненавидят как сторонницу Германии... Все, раз навсегда, решили и поверили, что Она „немка“ и стоит за Германию. Кто пустил эту клевету, не знаю. Но ей верят. С Царицы антипатия переносится на Государя. Его перестали любить. Его уже НЕ ЛЮБЯТ. Не любят за то, что в свое время не прогнал Распутина, ... за то, что позволяет вмешиваться жене в дела государственные... Не любят за непонимание текущего момента. И все хотят Его ухода... хотят перемены» [5, с. 260]. Спиридович отмечает, что престиж царской власти настолько упал, что «в те дни (*прим.*: в январе 1917 г.) можно было слышать среди придворных служащих: „Ну, что же, не будет Николая Второго, будет другой!“» [5, с. 236].

Была ли высшая власть осведомлена о распространявшихся слухах? А. И. Спиридович приводит много фактов, свидетельствующих о большой степени информированности Николая II. Он описывает один из них: «15 ноября (*прим.*: 1916 г.) Государем был принят председатель Госуд. Думы Родзянко. Родзянко изложил о том вреде, который приносит родине вмешательство в государственные дела Царицы Александры Федоровны. Говорил о вреде Распутина, о непригодности Протопопова, как министра, о заискиваниях некоторых министров перед „Старцем“. Доложил о разных слухах, волнующих общество, до слуха об измене, включительно. Государь слушал спокойно, молча, курил

и смотрел на ногти. После слов Родзянки об измене и шпионах Государь спросил насмешливо: – „Вы думаете, что я тоже изменник?“. Когда же Родзянко стал уверять, что Протопопов сумасшедший, Государь заметил, улыбнувшись, – „Вероятно с тех пор, как я сделал его министром“. Докладчик не имел успеха. Государь вообще не принимал всерьез того, что говорил ему Родзянко, на этот же раз он остался им недоволен и даже не разрешил гофмаршалу пригласить его к высочайшему столу. Это был большой афронт, вызвавший в Ставке большие пересуды. В Петербурге же неуспех Родзянки возбудил большие разговоры, как в Думе, так и в высшем кругу общества и дал лишний повод к нареканиям по адресу Царицы» [5, с. 207].

Общее настроение и недовольство властью было хорошо известно в Петроградском охранном отделении. А. И. Спиридович приводит текст доклада начальника Охранного отделения К. И. Глобачева, представленного им в январе 1917 г. министру внутренних дел: «Настроение в столице носит исключительно тревожный характер... Одинаково серьезно и с тревогой ожидают как разных революционных вспышек, так и, несомненно, якобы, в ближайшем будущем „дворцового переворота“, провозвестником которого, по общему убеждению, явился акт в отношении пресловутого старца. ...Всюду идут разговоры о начале террора, что переживаемый момент очень похож на время, предшествовавшее первой, 1905 г., революции... Население открыто, на улицах, в трамваях, в театрах, магазинах критикует в недопустимом по резкости тоне все правительственные мероприятия. В семьях лиц, мало-мальски затронутых политикой, раздаются речи опасного характера, затрагивающие даже Священную особу Государя Императора» [5, с. 244]. Доклад указывал на «жажду общества найти выход из создавшегося политически ненормального положения, которое с каждым днем становится всё ненормальнее и напряженнее».

Несмотря на информированность власти, активных контрмер противодействия слухам не предпринималось, что вело к их разрастанию и воздействию на сознание и поведение общества. Вернувшись в Петроград 20 февраля 1917 г., А. И. Спиридович зафиксировал: «Повидав кое-кого из Охранного Отделения, понял, что они смотрели на положение дел – безнадежно. Надви-

гается катастрофа, а министр видимо не понимает обстановки и должные меры не принимаются. Будет беда. Убийство Распутина положило начало какому-то хаосу, какой-то анархии. Все ждут какого-то переворота. Кто его сделает, где, как, когда – никто ничего не знает. А все говорят и все ждут. ... Попад же на квартиру одного приятеля, серьезного информатора, знающего всё и вся, соприкасающегося и с политическими общественными кругами, и с прессой и миром охраны, получил как бы синтез об общем натиске на правительство, на Верховную Власть. Царицу ненавидят, Государя больше не хотят. За пять месяцев моего отсутствия как бы всё переродилось. Об уходе Государя говорили как бы о смене неугодного министра. О том, что скоро убьют Царицу и Вырубову, говорили так же просто, как о какой-то госпитальной операции. Называли офицеров, которые, якобы, готовы на выступление, называли некоторые полки, говорили о заговоре Великих Князей, чуть не все называли В. К. Михаила Александровича будущим Регентом. Я был поражен несоответствием спокойного настроения нашего министерства Внутренних Дел и настроения общественных кругов» [5, с. 255–256].

Циркулирование в обществе политических слухов, связанных с недоверием к власти, отражало внутривластную ситуацию в стране. Делегитимация власти вызывала в обществе ощущение неизбежных перемен. А. И. Спиридович отмечает: «... что тогда „говорили“ в столице, что передавалось в провинцию и что, с другими слухами и сплетнями, подготовило, в конце концов, необходимую для революции атмосферу...». Безусловно, нужно с известной долей осторожности относиться к такому выводу, так как мемуары создавались А. И. Спиридовичем намного позже описываемых событий. Возможно, это повлияло на его оценку развития общественного мнения в годы войны. Кроме того, как и при изучении любых мемуаров, надо иметь в виду, что описание в них диалогов, разговоров, прямой речи всегда примерно (в отличие от текста цитируемых документов). Но даже с учетом этих особенностей мемуары А. И. Спиридовича для понимания политического настроения общества и его отношения к событиям выступают важным и интересным историческим источником.

Литература и источники

1. *Аксенов В. Б.* Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. // Социальная история: ежегодник. 2004. М., 2005. С. 163–200.
2. *Колоницкий Б. И.* Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914–1917) // Вестник истории, литературы, искусства. М.: Собрание, Наука, 2005. Т. 1. С. 362—378. URL: <http://ec-dejavu.ru/r/Rumour-2.html> (дата обращения: 10.05.2017).
3. *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
4. *Латынов В. В.* Слухи: социальные функции и условия появления // Социологические исследования. 1995. № 1. URL: <http://psyfactor.org/lib/rumours3.htm> (дата обращения: 10.05.2017).
5. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция (1914–1917 гг.). Нью-Йорк: Всеславянское изд-во, 1960–1962. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/spiridovich_ai/03.html (дата обращения: 10.03.2017).

Political rumors on the eve of the 1917 revolution (according to the memoirs of A. I. Spiridovich «The Great war and the February revolution (1914-1917)»)

The article analyzes the spread in the Russian society of political rumors on the eve of the 1917 revolution. Based on the memoirs of A. I. Spiridovich «the Great war and the February revolution (1914–1917)» reveals the main theme of political rumors, their relationship with political fears and expectations of the society, the role of rumours in the delegitimization of power.

Keywords: the political rumors; counterproductive to the rumors; the delegitimization of power.

А. А. Злыгостев

Магистрант

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

А. В. Чернов

Кандидат философских наук,

доцент кафедры истории и философии

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-12. E-mail: chernovandr@yandex.ru

Идеологическое пространство России в 1917 и 2017 гг.: культурно-исторический анализ

В статье рассматриваются политические программы партий, участвовавших в выборах в Учредительное собрание в 1917 г. Дается сравнение политических взглядов партий по наиболее острым вопросам социальной, политической и экономической жизни страны, которые активно обсуждались в обществе сто лет назад. Представлены данные социологического опроса, проведенного в 2017 г. среди интернет-пользователей, о том, за какую партию они бы проголосовали, живи они сто лет назад. В заключение подводятся итоги голосования в 1917 и 2017 гг. На основании этого авторы статьи делают вывод о продолжении скрытого идеологического противостояния между сторонниками большевиков и их противниками.

Ключевые слова: революция; Учредительное собрание; политическая партия; большевизм.

К столетию Февральской и Октябрьской революций 1917 г. ряд российских общественных организаций и научных учреждений выступил с инициативой реконструкции политических событий столетней давности. Речь идет о всеобщих выборах в Учредительное собрание, назначенных Временным правительством с целью выработки дальнейшей стратегии развития государства после свержения монархии в феврале 1917 г. Выборы «российской Конституанты» были назначены на 25 (12 по ст. стилю) ноября, а торжественное открытие первого собрания – на 11 декабря (28 ноября) 1917 г. Однако, как мы знаем, жизнь внесла существенные коррективы в планы российских

демократов. В ночь на 7 ноября (25 октября) в стране был совершен еще один государственный переворот, в результате которого к власти пришла партия большевиков, а Временное правительство прекратило свое существование. Естественно, большевики не собирались делиться властью с «какой-то учредилкой», поэтому Учредительное собрание было распущено ими в ночь на 19 (6) января 1918 г. Иронизируя сегодня над теми событиями, можно заметить, что по сути никакого следа в отечественной истории Учредительное собрание так и не оставило, разве что врезалась в память фраза матроса Железняка о том, что «караул устал».

Тем не менее любопытно узнать, как проголосовали бы наши современники на выборах в Учредительное собрание, окажись они сто лет назад. В связи с этим весной 2017 г. газета «Комсомольская правда» и Фонд Андрея Первозванного провели интересный соцопрос. На официальных сайтах указанных организаций и их страницах в соцсетях проводилось онлайн голосование, где по пунктам разбирались политические программы партий столетней давности. Мы кратко рассмотрим наиболее острые пункты предвыборной агитации основных политических партий, а затем прокомментируем итоги голосования среди интернет-пользователей. Программы партий будут представлены «слева направо», т. е. от крайне левых (большевики) до крайне правых (православные монархисты).

Земельный вопрос

Большевики: Конфискация всех помещичьих земель. Национализация всех земель в стране, передача земли в распоряжение местных Советов батрацких и крестьянских депутатов.

Кадеты: Обеспечить по возможности земель сельскохоз-зяйственного значения только безземельное и малоземельное коренное население, уже занимающееся земледельческим промыслом.

Меньшевики: Конфискация частновладельческих земель и передача их в распоряжение выбранных на демократических началах крупных органов местного самоуправления.

Эсеры: Вся земля объединяется в руках всего народа и выводится из товарно-денежных отношений. Принадлежащая

народу земля управляется особыми органами государственной власти. Наша идея есть идея равного права всем гражданам на землю.

Монархисты: Никакие меры, направленные на улучшение быта крестьян, не должны нарушать неприкосновенности земельной собственности. Земельные участки крестьянских наделов должны быть признаны частной собственностью крестьян с воспрещением отчуждения в руки не-крестьян.

Политическое устройство

Большевики: Советы рабочих депутатов есть единственная форма революционного правительства. Не парламентская республика, – возвращение к ней было бы шагом назад, – республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Кадеты: Республика есть, несомненно, лучший государственный строй для народов, достигших достаточной ступени развития. Народное представительство участвует в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов.

Меньшевики: Целью является не социалистическая, а демократическая революция, ее задачи в полной мере способно установить Учредительное собрание. Государственная машина должна перейти в руки демократии.

Эсеры: Наш единственный путь – это установление демократической республики. Необходим переход от старой системы к новой трудовой индустриальной республике.

Монархисты: Самодержавная, неограниченная власть Государева с незапамятных времен создана народом русским. На протяжении многих веков власть эта вела Россию к могуществу и силе; сила этой власти подрывается врагами, желающими или вовсе низложить ее (перейдя к республике), или ограничить (перейдя к конституции).

Экономическая модель

Большевики: Запрет частной собственности и спекуляции. Национализация всех банков и их объединение в один государственный банк. Национализация монополий и синдикатов, т. е.

крупнейших союзов капиталистов. Национализация всех природных богатств. Государственный контроль над экономикой.

Кадеты: Сохранение и незыблемость частной собственности. Более эффективная экономическая политика, более активное вмешательство государства в экономику и оказание поддержки наиболее эффективным производителям. Никакой национализации.

Меньшевики: Решительный и немедленный отказ от планов полной национализации. Социализм – это дело отдаленного и неопределенного будущего. Построить социализм можно будет только мирным путем, путем переговоров и компромиссов. Насилие по отношению к богатым недопустимо.

Эсеры: Мы – за социализм без марксизма, за общественную собственность в противовес частной. Экономическая сторона нашего дела характеризуется сознательным подчинением производства государству. Прогрессивный налог на доходы при полном освобождении от налогов мелких производителей.

Монархисты: Категорически против социализма и национализации. Частная собственность – священна! Чернь не имеет права посягать на собственность и богатства привилегированных сословий. Каждый должен довольствоваться тем, что имеет.

Национальный вопрос

Большевики: Мы, русские рабочие и крестьяне, против национального угнетения и неравенства. Мы не будем насильно удерживать в составе России ни одной нерусской национальности. Каждая нация имеет право на самоопределение, вплоть до отделения. В составе России останутся те, кто готов честно трудиться на благо Родины, остальные пусть отделяются.

Кадеты: Полное равноправие всех народов, населяющих Россию. Ни одна нация не может быть признана главной. Никакой национальной дискриминации!

Меньшевики: Все нации равноправны. Скажем «нет» национальной дискриминации и антисемитизму! Русская нация таит в себе опасные великодержавные замашки и склонна угнетать малые национальности.

Эсеры: Все нации равноправны, но каждая из них должна жить в своей области или губернии. На территории этой области

или губернии должна предоставляться полная свобода самовыражения. Никто не может выйти из состава России!

Монархисты: Русский народ – богоносец. Это особый народ с особой миссией. Остальные народы в той или иной степени отстали в своем развитии от великого русского народа, они не могут и не должны мечтать об отделении от России. Единая и неделимая Россия во главе с русским народом.

Первая мировая война

Большевики: Немедленно выйти из войны. Это не наша война, это война между ведущими капиталистическими державами, между мировыми хищниками, и Россия не должна в ней участвовать. Желаем поражения царскому правительству в этой войне и скорейшего прихода революции.

Кадеты: Наш внешнеполитический курс будет направлен на единение с нашими союзниками по Антанте. Россия – это часть свободного мира, а посему мы должны помогать нашим союзникам до конца.

Меньшевики: Восстановление разрушенного народного хозяйства, немислимое без немедленной помощи Запада, должно совершаться в тесном взаимодействии с европейским и американским капиталом. Следовательно, мы должны поддержать наших союзников по Антанте.

Эсеры: Мы ожидаем неминуемое перерождение переживаемого цивилизованным миром военного кризиса в кризис революционный. Эта война для России не оборонительная, а наступательная; она идет не за интересы русского народа, а за частные интересы династии Романовых.

Монархисты: Это священная война русского народа во главе с православным царем. Германия, Австро-Венгрия притесняли православные народы на Балканах, и Россия справедливо вступилась за них. Война будет продолжена до победного конца. Россия вправе рассчитывать после этого на Черноморские проливы.

Итоги

По итогам голосования в ноябре 1917 г. в состав Учредительного собрания вошли следующие политические партии:

эсеры – 39,5 %;
большевики – 22,4 %;
национальные социалистические партии (все вместе) – 14,5 %;
национальные несоциалистические партии (все вместе) – 9,6 %;
кадеты – 4,5 %;
меньшевики – 3,2 %;
остальные – 6,3 %.

Спецификой голосования было то, что правые партии, выступавшие за монархию, православие и русский национализм, к этому времени потерпели полное фиаско. После свержения монархии в ходе Февральской революции все правомонархические силы быстро пошли на спад и к выборам в Учредительное собрание практически исчезли из политического пространства России. Таким образом, в отсутствие черносотенных сил большинство голосов электората досталось социалистическим партиям: первое место получили эсеры, второе – большевики.

Крайне любопытную картину демонстрируют нам итоги недавнего онлайн голосования. В 2017 г. картина по отношению к 1917 г. стала принципиально иной. Соцопрос на официальном сайте «Комсомольской правды» дал следующие результаты [2]:

большевики – 44 %;
кадеты – 18 %;
монархисты – 17 %;
эсеры – 8 %;
меньшевики – 4 %;
остальные – 9 %.

На сайте «Комсомольской правды» к этому моменту проголосовало около 2,5 тыс. чел. Целевая аудитория газеты, по информации самой газеты, это:

- представители активного среднего класса в возрасте 30–55 лет;
- люди со стабильным и высоким доходом;
- служащие среднего звена, специалисты и руководители предприятия – 55 %.

В то же время есть и другие данные о целевой аудитории «Комсомольской правды» [1]. Если они верны, то следует ска-

зять, что еще 40 % аудитории газеты – это пенсионеры и рабочие. А у 53 % опрошенных доходы составляют не более 15 тыс. р. в месяц, что вряд ли можно назвать в настоящий момент высоким уровнем.

Опрос, проведенный в социальной сети Facebook, дал во многом иные результаты, что является следствием различия аудиторий [3]:

большевики – 49,1 %;

монархисты – 34,9 %;

кадеты – 9 %;

остальные – 7 %.

В Facebook в голосовании, организованном сообществом «Фонд Андрея Первозванного», участвовало около 1,5 тыс. чел.

Как мы видим, результаты онлайн-опроса наших современников красноречиво указывают на то, что большевизм не только до сих пор жив, но и по-прежнему является доминирующей идеологией. Сторонникам нынешней власти с ее «духовными скрепами» следует задуматься. Равно как и приверженцам либеральных взглядов. И еще один пикантный момент: голосование в сети Facebook, традиционно считающейся наиболее интеллектуальной соцсетью, продемонстрировало, что наряду с «красной идеей» жива и «белая идея» с ее русским великодержавным национализмом, православием и монархией. А вот либерально-демократические взгляды большинством респондентов игнорируются, как и сто лет назад. Иными словами, глубокий мировоззренческий раскол на «красных» и «белых», произошедший в нашем национальном самосознании, до сих пор сохраняется.

В одной из более ранних работ мы писали, что дореволюционный православно-монархический этап является неким историческим тезисом, в то время как советский социалистический этап выступает по отношению к нему своеобразным анти-тезисом. Из этого мы делали вывод о присутствии в русской истории классической гегелевской триады и предсказывали, «что наше общество впереди ждет конструктивный синтез» [4, с. 14]. Возможно, история благосклонна к России и дает нам еще один шанс, который упустили наши предки сто лет назад – шанс объединиться и все исправить. Хотя, учитывая продолжающуюся взаимную неприязнь между «красными» и «белыми», этот вари-

ант выглядит достаточно утопическим. В такой ситуации возникает соблазн просто перелистнуть эту страницу истории, не разбираясь, кто был тогда прав, а кто виноват, и начать строить новую жизнь. Однако, возможно, что и в этом случае мы не сдвинемся с мертвой точки, поскольку не ясно, на каких основаниях – «красных», «белых» или каких-то иных – эту самую жизнь строить. В общем, экзистенциальный тупик в масштабах нации.

Литература и источники

1. *Газета «Комсомольская правда»*: тираж, формат, аудитория. URL: <http://www.mediageo.ru/fedpressa/ezhednev/koms-pravda.html>.
2. *Голованов Р.* Какой путь нужно было выбрать для России в 1917 году? // *Комсомольская правда*. URL: <http://www.ul.kp.ru/best/msk/russia1917>.
3. *Россия свой революционный потенциал исчерпала* / Фонд Андрея Первозванного. URL: <http://www.fap.ru/press-center/news/rossiya-svoyu-revolutsionnyu-potentsial-ischerpala>.
4. *Чернов А. В.* Философские и религиозные основания социальной государственности в России // *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2012. № 6(44). С. 11–14.

The ideological space of Russia in 1917 and 2017: cultural and historical analysis

The article discusses the political programs of the parties participating in the elections to the Constituent Assembly in 1917. We give a comparison of political parties on the most pressing issues of social, political and economic life of the country one hundred years ago. Next, we turn to a sociological survey conducted in 2017 among Internet users about which party they would have voted, had they lived a hundred years ago. In conclusion, we summarize the results of voting in 1917 and 2017. On this basis, the authors conclude that the continuation of the hidden ideological confrontation between the supporters of the Bolsheviks and their opponents.

Keywords: Revolution; Constituent Assembly; Political party; Bolshevism.

Е. В. Каменская
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и философии
Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-12. E-mail: ekam82@yandex.ru

Советские газеты как исторический источник: специфика и возможности использования

В статье анализируется практика формирования большевиками системы периодической печати. Выявляется роль газетной периодики в идеологической пропаганде. Анализируются разные подходы к классификации периодической печати. Формулируются основные принципы работы с прессой как историческим источником.

Ключевые слова: исторический источник; газетная периодика; основные принципы работы с прессой.

Одним из основных направлений деятельности большевиков после прихода к власти стало формирование системы периодической печати, что являлось общемировой тенденцией. Советское руководство значительное внимание уделяло развитию широкой газетной сети, которая бы максимально охватывала население страны. Газетная сеть расширялась, появлялись все новые и новые издания, призванные освещать разнообразные сферы жизни общества, быть понятными разным слоям населения, отличающимся по сфере деятельности, возрасту, интересам. Развивалась центральная и региональная печать, а также сеть городских, районных и заводских малотиражных изданий. В первые десятилетия советской власти именно газеты являлись единственным всеохватным средством информации, а следовательно, и эффективным инструментом формирования общественного мнения. Однако и после развития в СССР системы радиовещания, постепенного распространения телевидения газетная периодика оставалась «информационным лидером». Чтение газет являлось устоявшимся элементом повседневности советского человека, сознательно поддерживаемым властью. Газеты были важнейшим инструментом гражданской активности совет-

ских людей, способом воздействия и изменения существующей ситуации, что реализовалось на практике в виде огромного количества писем, поступавших в редакции газет всех уровней.

Чрезвычайная значимость газеты как средства массовой информации обуславливала особый контроль над нею со стороны партийных органов. Р. П. Овсепян выделяет следующие формы партийного руководства: а) принятие партийных решений по различным вопросам, связанным с деятельностью СМИ; б) обсуждение в ЦК КПСС и на пленумах партийных комитетов вопросов о работе печати, телевидения и радио; в) утверждение планов работы печатных органов на бюро партийных комитетов; г) редакционные и передовые статьи «Правды» и органов республиканских, краевых и областных партийных комитетов и др. [14, с. 158]. Управление печатными изданиями осуществлялось через отделы пропаганды и агитации комитетов КПСС. Все издания регулярно отчитывались о своей работе, предоставляли обзоры печати, сводные данные о штатных сотрудниках, рабселькорах и т. д.

Остановимся на определении места газетной периодики в системе исторических источников. Анализ научной литературы обнаруживает наличие разных подходов к классификации периодической печати. Значительная часть как советских, так и современных российских ученых четко определяет периодическую печать как один из видов письменных источников [6; 7; 19; 21].

При этом некоторые исследователи указывают на сложность и многослойность периодической печати как исторического источника, наличие в ней разнородных материалов. Эту источниковедческую особенность периодики отмечал Л. Н. Пушкирев в своей работе «Классификация русских письменных источников по отечественной истории» [16, с. 226]. Позднее и другие исследователи, к примеру В. В. Кабанов, указывали на синтетический характер прессы [7, с. 621]. Однако, акцентируя внимание на наличии определенного внутреннего единства различных материалов периодики, ученые приходили к выводу о возможности и необходимости рассматривать периодическую печать как некую «группу» и применять к ней единые методы исторического исследования [16, с. 226–227]. Среди характер-

ных черт прессы, выделяющих ее на фоне других источников, стоит указать определенную периодичность выпуска, форму публикации материалов, большой тираж, а следовательно, широчайшую распространенность среди населения, оперативность передачи информации.

Существует и прямо противоположная точка зрения. Ее приверженцы выступают против отношения к прессе как обособленному виду письменных исторических источников. Так, по мнению В. М. Рынкова, «периодическая печать – это одновременно место и способ публикации источников, ее отличают периодичность и единый подход редакции к делу их обнародования. Она является не комплексным источником, но представляет собой комплекс источников... Периодика никогда не была и не станет видом исторических источников, а напротив, сама может содержать в себе источники всех видов» [18, с. 48]. Однако, несмотря на наличие разных подходов, в подавляющем большинстве современных исследований периодическая печать воспринимается в совокупности, без выделения в ней отдельных видов источников, и, соответственно, ко всем газетным материалам применяются одинаковые методы.

Важной проблемой является определение сущности периодической печати, в том числе советской, и, следовательно, ее источниковедческого потенциала. Если С. М. Гуревич видит в периодической печати «зеркало своего времени», с которым она движется и развивается, отображая его и сохраняя его аромат [4, с. 15], то авторы «Источниковедения новейшей истории России» считают, что рассмотрение прессы в качестве «зеркала» исторической действительности является ошибочным, поскольку пресса не столько «отражает действительность, сколько активно ее формирует», и если и является «зеркалом», то, несомненно, «кривым» [6, с. 256]. Относительно печати СССР подобной точки зрения придерживался и В. В. Кабанов: «Советская пресса никогда не являлась зеркалом, отображающим действительность, да и не ставила перед собой такие задачи... Газеты старались показать жизнь не такой, какая она есть, а такой, какой она должна быть, – согласно официально принятой схеме развития общества» [7, с. 624]. В своем курсе лекций В. В. Кабанов еще более жестко характеризовал советскую печать. По его мнению,

монополия КПСС в издательском деле привела к обезличиванию газет, а от газетных работников требовалась «ловкость, наглость, цинизм, безжалостность...» [8, с. 195].

Исходя из своего отношения к советской прессе, исследователи определяют ее источниковедческие возможности. Одни указывают на широкий спектр проблем, которые можно подробно разработать на материалах периодической печати, и настоятельно рекомендуют привлекать данный источник [20, с. 63]. Другие концентрируют внимание на предвзятости советской периодической печати, ее полной подконтрольности партийным органам, что сужает ее возможности для реконструкции событий прошлого и позволяет хорошо проследить «лишь изменения в идеологических установках правящей партии» [6, с. 252].

Анализ источниковедческих исследований позволяет сформулировать основные принципы работы с прессой как историческим источником. Часть этих принципов применима для периодической печати любого временного отрезка, часть – учитывает особую специфику советской эпохи.

1. Исследование материалов периодической печати необходимо начинать с изучения того издания, откуда извлекается информация. Несмотря на существовавший в СССР партийный контроль над всеми газетными изданиями и на универсальность аудитории советских газет, о которой говорят некоторые исследователи [6, с. 284], разные издания были нацелены на разные социальные группы, что влияло на подбор публикаций и методы работы с читателем. При изучении русской дореволюционной периодики большая роль в определении портрета той или иной газеты или журнала отводится фигуре издателя. В советский период самостоятельность редакций была весьма относительной, но личность главного редактора все равно имела большое значение для определения общего климата в газете и стиля журналистской работы. Следствием этого, в частности, являются работы по истории «Известий» при Л. Н. Толкунове, «Литературной газеты» при А. Б. Чаковском и т. д. [5; 24].

2. При обращении к публикациям прессы нужно критически относиться к любой сообщаемой в ней информации. В случае с советской печатью на этом принципе современные исследователи делают особый акцент. «Если изначально встает во-

прос о недоверии к советской печати, то самым серьезнейшим образом повышается роль источниковедческого исследования данного вида источника. Источниковедческая критика не должна быть формальной, ограничиваться только установлением достоверности информации» [7, с. 625]. Стоит отметить, что скептическое отношение распространяется не только на сам газетный материал, но и на весь журналистский труд, т. е. ставится вопрос об истинных намерениях журналиста при написании той или иной статьи, об основных целях его работы.

3. Логическим следствием предыдущего принципа является стремление найти истинный смысл газетного текста при игнорировании «пустой» информации. Таким образом, текст не «берется на веру» и не воспринимается буквально. Вместо этого исследователь пытается найти ответы на вопросы: «Что на самом деле хотел сказать автор?», «О чем умолчал автор?», «Что автор не хотел сказать, но сказал?» и т. д. Искусство читать между строк объявляется «непременным атрибутом работы с партийно-советской печатью» [6, с. 281]. Вследствие этого повышается значимость методов внутренней критики текста.

4. Учитывая видовое разнообразие публикаций в газетах, необходимо дифференцированно подходить к изучению данного источника, используя и общие для всех материалов прессы приемы (поскольку большая часть из них, несомненно, относится к письменным источникам), и специфические методы работы с такими источниками, как законодательные документы, публицистика, мемуары, письма, фотодокументы и т. д. Это, с одной стороны, усложняет исследовательскую работу, а с другой – расширяет выбор методов изучения газетных текстов.

Одним из наиболее разработанных методов изучения прессы является контент-анализ. Он начал широкомасштабно применяться американскими социологами в первой половине XX века. Достаточно активно его использовали советские социологи, филологи и историки (последние значительно реже) для изучения текстов средств массовой коммуникации [см.: 1–3; 9–12; 15; 22]. Стоит отметить, что метод контент-анализа использовался и при изучении газетных фотоиллюстраций. Данная методика разрабатывалась на факультете журналистики МГУ под руководством И. Д. Фомичевой [22; 23]. Сегодня в распоряже-

нии специалистов имеется широкий ассортимент методов работы с текстами прессы [к примеру, см.: 13; 17; 26]. В качестве одного из основных выделим лингвистический анализ, который подразумевает, согласно концепции Т. В. Чернышовой, смысловой, концептуальный, интерпретационный и стилистический анализ [25].

Подводя итог вышеизложенному, стоит обратить внимание на неоднозначное восприятие советской газетной периодики в качестве исторического источника. Во-первых, нельзя забывать о существующей до сих пор «классификационной неопределенности» газет и периодической печати в целом, из чего следует различное отношение исследователей к этому источнику и, соответственно, выбор методов его изучения. Во-вторых, источниковедческий потенциал советской прессы в глазах многих исследователей сводится к минимуму в связи с присущей ей идеологической ангажированностью, заганностью в «Прокрустово ложе» партийного контроля. Однако в эпоху тотального проникновения средств массовой информации, к которым можно отнести и Интернет, в жизнь человека внимание исследователей все больше привлекают проблемы создания, функционирования, влияния так называемых «медиатекстов». Данная тенденция коснулась и исторической науки. Исследователи анализируют советские СМИ и информационную политику партийного руководства с точки зрения формирования стереотипов сознания советских граждан, создания нужного власти общественного мнения. Важно отметить, что именно в советский период средства массовой информации (и пропаганды, как их было принято называть в то время) охватили практически все население страны, став эффективным способом воздействия власти на сознание населения. Флагманом советских СМИ выступала пресса, а в ее рамках – газетная периодика.

Литература и источники

1. *Алексеев, А. Н., Дудченко, В. С.* Контент-анализ как специфический способ «прочтения» текстов // *Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации)*. М.: Наука, 1976. С. 142–152.

2. *Верховская А. И.* Социологические методы работы с редакционной почтой. М.: Изд-во МГУ, 1984.

3. *Вооглайд Ю. В.* Методы, использованные при исследовании газеты «Эдази» и деятельности редакции // Труды по социологии. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1972. С. 13–107.

4. *Гуревич С. М.* Газета: вчера, сегодня, завтра. М.: Аспект Пресс, 2004.

5. *Дважды Главный.* Вспоминая главного редактора газеты «Известия» Льва Толкунова (гл. ред. с 1965 по 1976 и с 1983 по 1984 г.). М.: Русская книга, 2002.

6. *Источниковедение* новейшей истории России: теория, методология, практика. М.: Высш. шк., 2004.

7. *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории:* учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998.

8. *Кабанов В. В.* Источниковедение истории советского общества: курс лекций. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997.

9. *Лауристин М.* Применение контент-анализа для изучения направленности содержания газеты // Труды по социологии. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1972. Ч. II. С. 108–138.

10. *Мазырин В. М.* Применение методов контент-анализа к материалам прессы // Количественные методы в гуманитарных науках. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

11. *Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования* / под общ. ред. Б. А. Грушина, Л. А. О니кова. М.: Политиздат, 1980.

12. *Методологические и методические проблемы контент-анализа:* тез. докл. раб. совещ. социологов. М.; Л.: Ин-т социол. исследований, 1973. Вып. 1, 2.

13. *Митина О. В., Евдокименко А. С.* Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Психология. 2010. № 40. С. 29–38.

14. *Овсепян Р. П.* История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов): учеб. пособие / под ред. Я. Н. Заурского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.

15. *Олдырева Л. П.* О принципах изучения текста массовой коммуникации в контент-анализе // Предмет семиотики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 167–178.

16. *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975.

17. *Раздина Н. В.* Газета «За индустриализацию» как источник для изучения промышленной политики государства в годы первых пятилеток (опыт контент-анализа редакционных статей) // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 1(3). С. 41–60.

18. *Рышков В. М.* Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44–50.

19. *Сидоренко О. В.* Источниковедение отечественной истории. Владивосток: Дальневост. гос. ун-т, 2005.

20. *Славко Т. И., Русина Ю. А.* Источниковедение отечественной истории советского периода. Екатеринбург: УрГУ, 1995.

21. *Стрельский В. И.* Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в. – 1917 г. М., 1962.

22. *Фомичева И. Д.* Методика формализованного анализа фотоснимков // Современные методы исследования средств массовой коммуникации. Таллин: Периодика, 1983. С. 145–148.

23. *Фомичева И. Д., Марковский Э. Я.* Опыт качественно-количественного анализа газетной фотографии // Социологические исследования эффективности журналистики / под ред. Я. Н. Засурского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 94–103.

24. *Чаковская А. Э.* Либеральные тенденции в печати в эпоху застоя 1980–1985 гг. (на материалах «Литературной газеты»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

25. *Чернышова Т. В.* Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М.: Либроком, 2009.

26. *Чернышова Т. В.* Филологическое исследование медиакommunikации: теоретико-методологические предпосылки и методы анализа текста и дискурса (ретроспектива) // Медиалингвистика. 2014. № 1(4). С. 77–86.

Soviet newspapers as a historical source: specificity and flexibility of use

The article analyzes the practice of the formation by the Bolsheviks of the system of the periodical press. The role of periodicals in the ideological propaganda. Analyzes different approaches to the classification of periodicals. State the main principles of work with the press as a historical source.

Keywords: historical source; newspaper periodicals; basic principles of work with the press.

М. А. Клинова

Кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории и философии

Уральский государственный экономический университет

620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Контактный телефон: (343) 221-27-12. E-mail: klinowa.m@yandex.ru

Октябрьская революция в визуальных образах журнала «Крокодил» 1930–1940-х годов

В статье выявлены механизмы и специфика презентации образа Октябрьской революции в иллюстрациях, помещенных на страницах журнала «Крокодил» 1930–1940-х годов. Образ «Октябрь 1917 г.» являлся символом, обладающим смыслом сакрального, эпохального, определяясь исключительно в положительной тональности. Данный образ в дискурсе периода фигурировал не только как самостоятельный, но и использовался для построения новых символов, а также для конструирования в массовом сознании «правильных» интерпретаций событий 1930–1940-х годов. При контекстуальном взаимодействии любого явления действительности с революционной тематикой оно также осеялось положительным смыслом, трактуясь как «оправданное», «верное», «истинное». В свою очередь, событие, противопоставляемое революционной символике или интерпретируемое через сочетания с антиреволюционными «буржуазными» символами, получало ярко выраженную негативную трактовку.

Ключевые слова: революция; Октябрь; образ; символ; пропаганда; 1930–1940-е годы; «Крокодил»; СССР.

Октябрьская революция 1917 г. является важнейшим событием, маркирующим начало советского периода в истории нашего государства. В рамках отечественного идеологического и информационного пространства, содержательно трансформировавшегося на протяжении постреволюционного столетия, существовали различные трактовки и оценки октябрьских революционных событий. Через визуальные образы, тексты, кинематографические и литературные произведения в сознании населения формировался образ Октябрьской революции. Несомненно, на протяжении прошедшего столетия ракурсы презентации Октябрьской тематики существенно различались. В данной работе мы попытаемся реконструировать механизмы и специфику пре-

зентации образа Октябрьской революции в СССР 1930–1940-х годов, опираясь в качестве источника на иллюстративные материалы журнала «Крокодил».

Предпринятый анализ позволяет заключить, что визуальные образы, публикуемые на страницах «Крокодила» в 1930–1940-е годы, презентуют революционные события исключительно в положительном свете.

В рамках советского дискурса события Октября 1917 г. презентовались как веха, обозначающая начало нового исторического периода – советского периода в истории государства. Описание события, реализуемое в торжественной, высокой стилистике, сопровождается соответствующим иллюстративным рядом – изображением иллюминированных площадей, массовых демонстраций, радостных людей с флагами и транспарантами, на которых читаются лозунги, прославляющие Революцию, Партию, Ленинизм [8, с. 1]. Изображение демонстраций трудящихся являлось неотъемлемым атрибутом события, подчеркивающим его массовый характер, а также фиксирующим типичную практику проведения главного советского праздника – дня Великой Октябрьской социалистической революции [3, с. 17; 9, с. 1]. Праздничные мероприятия помимо демонстраций включали пение, танцы, постановочные спектакли, изображения которых также представлены на страницах издания [8, с. 7].

Л. В. Лебедева, рассуждая о специфике советских праздников, справедливо замечает: «Они рассматривались как один из методов закрепления новой идеологии. В их основе лежала идея классовой борьбы: деления общества на „своих“ и „чужих“» [21, с. 1785]. В иллюстрациях, посвященных Октябрьской революции, рельефно подчеркивается антикапиталистическая, антибуржуазная направленность данного события. Эта тенденция реализуется посредством двух изобразительных способов: гротесково-карикатурных иллюстраций побежденной буржуазии и реалистичных, подчеркнута значимых изображений, отражающих победы большевиков, а также успехи Красной армии в Гражданской войне.

Первое изобразительное направление (сатирическое) достаточно широко представлено на страницах издания. Карикатурно изображенные представители привилегированных сосло-

вий дореволюционного российского социума являются героями фельетонов и сатирических рассказов «Крокодила». В издании 1935 г. приводится карикатура на эмигранта, который, держа в руках газету «Вечерний Париж», высоко задрал нос, замечает: «– *Новые маршалы? Ворошилов... Буденный... Знаю, знаю... Встречались!.. В ноябре двадцатого года*» [4, с. 4]. В одном из номеров 1937 г. помещен сюжет «С точки зрения юного пионера», где приводятся карикатурные изображения «старорежимных» понятий. Обращение «его сиятельство» проиллюстрировано изображением мужчины с блестящей лысиной, а понятие «столовая дворянка» сопровождается рисунком дворянки, привязанной к столбу [8, с. 23].

Посредством карикатурного исполнения представлены не только собирательные образы «бывших» и «буржуев», но и реальные исторические деятели. В частности, в одном из номеров 1932 г. в фельетоне «Битые карты» приведены карикатурные портреты лидеров белого движения и политиков периода 1917 г. оппозиционных большевикам. Рисунки выполнены в виде игральных карт. Карикатурные изображения сопровождаются не менее саркастическими текстами: «*Все эти люди в свое время ходили в козырях, но в настоящий момент „иных уж нет, а те – далеке“*» [3, с. 10]. Среди исторических фигур генералы Деникин, Юденич, адмирал Колчак, барон Врангель, а также Керенский.

Вторая «антибуржуазная» тенденция в изображении событий Революции и Гражданской войны, фиксируемая на страницах журнала «Крокодил», представлена реалистическими и даже эпическими иллюстрациями, отражающими победы Красной армии. На обложке одного из номеров журнала за 1937 г. помещен рисунок, озаглавленный «История с географией», на котором изображена карта, где красноармейцы со штыками наперевес изгоняют за пределы страны белогвардейцев и интервентов [7, с. 1]. Географическая масштабность изображения призвана подчеркнуть значимость победы Красной армии в Гражданской войне.

В ряде случаев на страницах издания обращение к революционной проблематике реализуется посредством сочетания двух выделенных изобразительных принципов в одном сюжете,

с целью максимально контрастного сравнения отжившего свое дореволюционного мира и светлой послереволюционной советской реальности. В таких сюжетах, как правило, используется обращение к хронологическому принципу выстраивания материала, который позволяет рассмотреть определенный элемент советской событийности в исторической ретроспективе. Прием ретроспективы использован в визуальном сюжете журнала, озаглавленном «Два родословных дерева» и сопровождающемся подписью *«наглядное изображение развития нескольких поколений одной пролетарской и одной помещичье-капиталистической семей»*. На рисунке показаны два дерева (одно крепкое, с обильной кроной, другое засыхающее), на которых помещены портреты членов данных семей. По портретам на пролетарском дереве достаточно четко читается занятость членов семьи (участие в революциях и Гражданской войне). Ожидаемым итогом является изображение вырождения помещичьей семьи и расцвет рабочей [8, с. 28]. В целом использование приема антитезы в иллюстрациях было характерно для советского дискурса [20, с. 12]. Сопоставления и противопоставления были широко представлены в текстах лозунгов и риторике официального дискурса: социализм – капитализм, рабочие – буржуазия и т. п. При этом данные понятия четко определены в координатах «свой – чужой», «хороший – плохой».

В конце 1930-х годов обращение к революционной тематике на страницах издания реализуется в контексте демонстрации советской военной мощи. В сюжетах проводятся параллели «Авроры» и орудий советского военного флота конца 1930-х годов – «Отцы и ... дети» [9, с. 4]. В выпуске журнала 1940 г. преемственность военной проблематики реализуется в сюжете «О воспитании»: на странице помещено изображение солдата-красноармейца 1917 г., ставшего в 1940 г. генерал-майором. Рисунок озаглавлен «Воспитанник Смольного» [10, с. 8].

В построении визуальных сюжетов на страницах «Крокодила» использовался и обратный метод – моделирование отрицательного отношения к событиям и явлениям путем их противопоставления образу Революции 1917 г. В рамках этой тенденции в журнале изображены многочисленные «враги советского государства», образ которых менялся, но был актуален на про-

тяжении всего периода. Среди врагов СССР помимо белых, буржуев и шпионов, представленных на страницах «Крокодила», во второй половине 1930-х годов появляется новый образ – фашиста, определяемый в том числе через противопоставление революции. В журнале 1936 г. помещена выдержка из речи Сталина, посвященная суждениям зарубежных политиков об СССР: *«Что это за страна, воят они, на каком основании она существует, и если ее открыли в октябре 1917 года, то почему нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе?»* [5, с. 5]. Текст сопровождается карикатурным изображением Гитлера, который пытается закрыть карту СССР когтистой рукой.

Достаточно востребован образ Октября 1917 г. был во время Великой Отечественной войны. Победоносный символизм Октября используется на плакатных изображениях «Крокодила», призванных поднять боевой дух Красной армии и демонстрирующих военную мощь СССР [11, с. 1]. Символика Октября также фигурирует на страницах издания, но с учетом специфики военного времени: праздничной иллюминации «во временно оккупированных областях» [14, с. 2], «октябрьских» подарков бойцам Красной армии [13, с. 3], поздравлений с Октябрем [15, с. 1]. Революционная символика применяется и в построении негативных образов, конструируемых с использованием аналогии. В частности, проводятся параллели между фашизмом и российским царизмом. Ярким примером является иллюстрация «Братья по крови», на которой изображены идущие по рекам крови Гитлер и Николай II [12, с. 16].

В послевоенный период в иллюстрациях, посвященных Октябрьской революции, рельефно подчеркивался сюжетный контраст «мы – они», маркирующий пространство СССР – капиталистический мир. Антитеза «социализм-капитализм» реализовывалась не только в контексте защиты СССР от «враждебного» западного мира, но и предполагала активную позицию советской страны, успешно борющейся с капитализмом. В этом контексте также используется «октябрьская» символика. В одном из номеров 1948 г. приводится карикатурное изображение «капиталистов», сопровождающееся следующим текстом: *« – Почему мистер Смит утверждает, что ему только тридцать лет, когда ему наверняка все шестьдесят один? – А он счита-*

ет, что последние тридцать один год ему большевики жить не давали» [17, с. 9]. Интернациональное значение Октября как символа революционных перемен также отмечается на страницах «Крокодила». В сюжетах послевоенных лет подчеркивалось стремление населения западных стран к революционным переменам. Иллюстрация «Слушая Красную площадь», помещенная в октябрьском номере журнала 1948 г., на которой изображены отец с сыном, слушающие радио, сопровождается текстом: « – Настанет день, Джимми, когда и на нашей улице будет такой же праздник!» [17, с. 11]. В аналогичном интернациональном ракурсе «Октябрь» рассматривается в сюжетах, посвященных внешнеполитическим победам социализма. В тридцатом номере 1949 г. помещен сюжет «Светлый путь Октября», где изображение флагов социалистических стран дополнено текстом: «После 1917 года на карте мира становится все меньше темных пятен» [18, с. 1]. На последней странице этого номера иллюстрация, где советский и китайский товарищи поздравляют друг друга «С Октябрем» [18, с. 16].

На страницах журнала «Крокодил» 1930–1940-х годов с использованием революционной символики конструируются образы советских экономических реалий. На обложке номера журнала за 1931 г. помещена иллюстрация, где с Октябрем связано строительство заводов (рука держит завод № 519). Подпись под иллюстрацией гласит: «*К Октябрю мы подготовили неплохое украшение не только своему городу, но и всему СССР*» (строительство в Подольске завода № 519. – М. К.) [2, с. 1]. В номере за 1937 г. мальчишки, один из которых в буденовке, разговаривают о колхозах-миллионерах [6, с. 1]. В номере 1930 г. помещено изображение демонстрации, шествующей с флагами на фоне табло с горящей надписью: «Пятилетку – в четыре года». На переднем плане прячется человек в шляпе и очках, наблюдающий за происходящим. Подпись под иллюстрацией сообщает читателям суждения этого человека: « – *Когда взяли Зимний дворец, не так было страшно, как теперь, когда они взяли такие темпы*» [1, с. 1]. В послевоенный период, когда экономика страны нуждалась в восстановлении, образ Октября 1917 г. был также достаточно востребован в конструировании экономических сюжетов. На обложке праздничного номера

1946 г. помещена иллюстрация, посвященная варианту «неудачного оформления» ворот завода к Октябрьскому празднику (план выполнен на 60 %) и «удачного оформления» (план выполнен на 132 %) [16, с. 1]. В конце 1940-х годов призывы к выполнению планов, а также отчеты об их выполнении – неотъемлемые атрибуты праздничных Октябрьских демонстраций, которым посвящены иллюстрации, помещенные на страницах «Крокодила» [17, с. 1; 19, с. 1].

Таким образом, предпринятый анализ визуальных образов, помещенных на страницах журнала «Крокодил» 1930–1940-х годов, позволяет прийти к выводу, что образ революции Октября 1917 г. достаточно активно использовался в информационном пространстве периода. Описание данного события реализовалось в торжественной, высокой стилистике, сопровождаясь иллюстративным рядом, отображающим его «антикапиталистическую» направленность. Образ Октября 1917 г. на страницах «Крокодила» 1930–1940-х годов фигурировал не только как самостоятельный, но и использовался для построения новых символов, а также для конструирования в массовом сознании «правильных» интерпретаций событий периода. При контекстуальном взаимодействии любого явления действительности с революционной тематикой оно также осеялось положительным смыслом, трактуясь как «оправданное», «верное», «истинное». В свою очередь событие, противопоставляемое революционной символике или интерпретируемое через сочетания с антиреволюционными «буржуазными» символами, получало ярко выраженную негативную трактовку. В целом, образ Октябрьской революции широко использовался в информационном континууме периода, как в формате презентации праздничного события и героизации советского прошлого, так и с целью формирования новых символов и образов, идеологически «правильно» презентующих реалии 1930–1940-х годов.

Литература и источники

1. *Крокодил*. 1930. № 30.
2. *Крокодил*. 1931. № 27.
3. *Крокодил*. 1932. № 30.
4. *Крокодил*. 1935. № 32.

5. *Крокодил*. 1936. № 34.
6. *Крокодил*. 1937. № 27.
7. *Крокодил*. 1937. № 28.
8. *Крокодил*. 1937. № 30.
9. *Крокодил*. 1938. № 29.
10. *Крокодил*. 1940. № 22.
11. *Крокодил*. 1941. № 28.
12. *Крокодил*. 1941. № 29.
13. *Крокодил*. 1942. № 40.
14. *Крокодил*. 1942. № 41.
15. *Крокодил*. 1944. № 40.
16. *Крокодил*. 1946. № 30.
17. *Крокодил*. 1948. № 31.
18. *Крокодил*. 1949. № 30.
19. *Крокодил*. 1949. № 31.
20. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург–Пермь: ЗУУНЦ, 2005.
21. *Лебедева Л. В.* Формирование советской праздничной культуры в 1920-е гг.: новые ритуалы в процессе социального конструирования // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2 (часть 8).

The October revolution in the visual images of the magazine «Crocodile» 1930–1940-ies

The article reveals the mechanisms and specificity of image presentation of the October revolution in the illustrations, are placed on the pages of the magazine «Crocodile» of the 1930s – 1940s, the image of the «October 1917» was a symbol that has meaning sacred, mythic, being determined solely in a positive key. This way in the discourse of the period appeared not only as a standalone but was used to build new characters, as well as engineering in the mass consciousness of the «correct» interpretations of the events of the 1930s-1940s. When the contextual interaction with the revolutionary subject of any phenomenon of reality it also ostalos positive sense, tracheas as «justified», «true», «true». In turn, the event, as opposed to revolutionary symbolism, or interpreted using a combination of anti-revolutionary «bourgeois» characters, received a pronounced negative interpretation.

Keywords: revolution; October; image; symbol; propaganda; 1930s–1940s; «Crocodile»; USSR.

М. А. Клинова

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и философии
Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-12. E-mail: klinowa.m@yandex.ru

А. В. Трофимов

Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и философии
Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-12. E-mail: 2519612@rambler.ru

Феномен революции 1917 г.: современные методологические и историографические подходы

В статье выявляются существующие методологические подходы, позволяющие лучше понять феномен революций в процессе социальных изменений. Приведена научная аргументация представителей четвертого поколения теории революции (Дж. Голдстоуна, Р. Коллинза). Охарактеризованы доминирующие в современной российской историографии подходы к объяснению глубинных причин и природы российской революции 1917 г. Показаны возможности использования когнитивного потенциала модернизационной парадигмы при анализе революционного процесса в России. Проанализированы взгляды «оптимистов» и «пессимистов» на экономическое положение страны накануне революции. Выявлено, что в современной историографии революция 1917 г. изучается как историческое событие, цивилизационный процесс и социальный проект. Анализируются юбилейные тенденции в освещении революции 1917 г., основные объяснительные концепты, существующие в историческом сознании современного российского общества.

Ключевые слова: феномен революции; Великая российская революция 1917 г.; методология; историография.

В год столетия российской революции возрос интерес к различным аспектам понимания и объяснения этого феномена в контексте мировой и отечественной истории. В когнитивном пространстве сосуществует ряд методологических подходов,

объясняющих происхождение, содержание исторического феномена революций, его место и роль в процессе социальных изменений.

Советское обществознание в русле марксистской парадигмы формировало представления о феномене революции как о «локомотиве истории», важнейшем механизме осуществления социального прогресса, играющем ключевую роль в реализации закономерностей исторического развития. В историческом дискурсе до конца 1980-х годов события 1917 г. рассматривались через призму двух революций: Февральской (буржуазно-демократической) и Октябрьской (социалистической). При этом подчеркивалось, что Октябрьская социалистическая революция явилась закономерным результатом всего предшествующего развития нашей страны, всего мирового исторического процесса.

В середине 1990-х годов, в условиях методологического плюрализма, А. Н. Медушевский отмечал, что в современной науке представлены три основных подхода к интерпретации революций и режимов, возникающих на их основе [7]. Это теория социального конфликта, функционализм и социально-психологическая школа. Их синтезом стало сравнительно-историческое изучение революций и политических режимов в модернизационной парадигме. Для *функционализма* характерно рассмотрение общества как системы, а революции – как ее разрушения. Признаком революционной ситуации является неприятие обществом существующего политического порядка, когда политическая система и ее акторы не способны адаптироваться к социальному напору и возглавить процесс изменений. Революционная ситуация рассматривается как системный кризис общества, поражающий политическую, экономическую, социальную, психологическую, моральную и индивидуальную сферы человеческой жизни. Важнейшим проявлением кризиса является утрата обществом доверия, уверенности в разумности и справедливости существующего строя, что ведет к делегитимации власти и смене правящей элиты. В такой трактовке революции не являются неизбежными: они становятся таковыми, когда падение уровня общественного доверия, осознание различными социальными слоями и группами неравенства и несправедливости не находят выражения в адекватных мерах со стороны власти по

стабилизации системы путем реальных (а не имитационных) преобразований. В центре внимания оказывается рост несоответствия в системе структур и функций (структурно-функциональный кризис), проявляющийся в изменении и крушении традиционных социальных позиций – системы распределения ролей в общественной структуре. Такие универсальные процессы, как коммерциализация и бюрократизация, вели к ослаблению позиций правящего класса – аристократии, оттеснению ее от реальной власти. В интересах динамичного развития системы в целом в новых условиях необходимо было радикально изменить принципы ранжирования, создать новые формы организации (вместо системы привилегий – принцип функциональной рациональности; вместо патримониализма – принцип обезличенности). Принципы демократии вытесняют принципы аристократии в условиях развития общества в направлении ассимиляции, модернизации, индустриализации. Системный кризис имел место повсюду, но его очертания были различны. Если в Западной Европе конфликт развивался между основными классами общества – буржуазией и дворянством, то в Восточной он приобретал другую конфигурацию, выступая как конфликт между государством и консервативным классом землевладельцев. Результатом становится социальная дезорганизация – моральное отчуждение общества от правящего класса и власти, революционное давление на нее, которое может идти как изнутри общества, так и извне, причем наиболее деструктивным вариантом является их комбинация. Возникает кризис легитимности системы, падает ее эффективность, власть ослабевает. Ситуация разрешается установлением более радикального режима.

Социально-психологическая теория акцентирует внимание на мотивации поведения индивидов, отмечая «относительные лишения» и депривацию, которые составляют основу коллективного насилия в политике. Революция определяется как фундаментальное социополитическое изменение, осуществляемое путем насилия. Насилие рассматривается как нейтральная, лишенная оценочного характера, категория, его природа раскрывается в бихевиористской логике «фрустрация – гнев – агрессия». Утверждается мотивационный базис революционного поведения – чем больше интенсивность лишений, тем больше значение насилия.

Череда революционных потрясений конца XX – начала XXI века потребовала внесения методологических корректив в понимание места и роли феномена революций в человеческой истории. Отметим лишь две опубликованные в последнее время работы. Дж. Голдстоун обращает внимание на недооценку конфликтов внутри элиты и межклассовых коалиций и утверждает, что к настоящему времени три поколения революционных теорий отжили свой век и назрела необходимость в новом, четвертом поколении теории революции [2]. Данная концепция основана на разделении «поколений исследователей» по методологическому признаку. «Первое поколение» связывается с историческим подходом и философско-исторической интерпретацией. Второе – с модернизационной теорией и структурно-функциональным анализом. Третье поколение отличают государственно-центричные модели.

В понимании Дж. Голдстоуна, четвертое поколение исследователей воспринимает революцию как «насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых), во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [2, с. 15]. Факторами, ведущими к ее возникновению, являются: 1) финансовая нестабильность и экономические трудности, вследствие которых власть накапливает долги или повышает налоги, что раздражает общество и снижает социальную поддержку; 2) кризис и раскол элит, когда определенная элитарная группа начинает восприниматься остальными элитами и контрэлитами как олигархия, которая перераспределяет в свою пользу слишком много ресурсов и обделяет остальных; 3) *революционная мобилизация масс*, возмущенных несправедливостью (например, крестьяне теряют землю, рабочие и выпускники вузов не могут найти работу по специальности); 4) революционная идеология, *«убедительный и принимаемый всеми нарратив сопротивления»* [2, с. 34].

С позиции Р. Коллинза, разработавшего еще в начале 1980-х годов геополитическую теорию революции, которая, по его мнению, предсказала падение СССР, в настоящее время необходимо объединить ее с теорией, центрированной на государстве [4]. Он полагает, что распад начинается скорее сверху,

а не в результате массовой мобилизации снизу; главный кризис – это прежде всего фискальное ослабление государства, т. е. снижение его способности наполнять бюджет, а не экономический кризис общества в целом. Автор подчеркивает, что поскольку военные затраты всегда были основной статьей бюджетных расходов в крупных современных государствах, геополитический баланс между великими мировыми державами ставит их в ситуацию конкурентного напряжения. Это напряжение теперь связано не только с прямыми победами и поражениями в войнах, но также с соперничеством в холодной войне – в подготовке к битвам, становящейся все более дорогостоящей, поскольку стоимость высоких технологий военных действий постоянно растет. Таким образом, именно крупные государства, борющиеся за мировую гегемонию, подвержены наибольшему риску фискального кризиса, внутриэлитной борьбы, следовательно, государственному распаду и структурным революциям.

Как отметил И. К. Пантин, в нашу динамичную эпоху многие привычные понятия меняют свой смысл [12]. Революцию когда-то называли событием, которое прерывает прежнюю логику общественного развития и задает новый культурно-исторический тренд, расчищает путь в современность. Революции связывались с кардинальной сменой политического порядка, а в случае социальной революции – и политэкономического. В начале XXI века, после опыта «цветных революций» и разгула терроризма, представление о революциях претерпевает серьезные изменения. Под революцией стали понимать не уничтожение институциональных форм неравенства и угнетения, не формирование революционного субъекта, а мирное или немирное завоевание условий для влияния на государство определенных «групп интересов», ориентирующихся, как правило, на практику стран «демократического капитализма». Соответственно, революция в старом смысле этого слова, как политическая практика, которая не могла быть выведена из «естественной причинности», из «старого порядка», поскольку была непредсказуема и определялась «стечением обстоятельств», объявляется случайной, излишней, а потому нежелательной для современного общества. В данном контексте в современной России нередко высказывается суждение о том, что наша страна еще в XX сто-

летию испытала на себе весь трагизм революционного пути развития, оказалась на грани выживания как цивилизация.

В современной российской историографии обозначились различные подходы к объяснению глубинных причин русских революций. Многими исследователями признается существенная роль Первой мировой войны как прелюдии революции. Начиная с 2014 г., когда 100-летие Первой мировой войны актуализировало осмысление причин, последствий и исторического значения революционных событий в России, после преобладающих в 1990-е годы негативных трактовок революции как краха российского государства и общества, исследователи эволюционировали в сторону рассмотрения этого этапа как закономерного и поступательного периода российской истории, когда на смену прежней модели государственности и общественных форм пришли новые. В данном контексте, помимо многочисленных нарративов, посвященных ужасам Белого или Красного террора, основанных на мифологии и клише, характерных для советской или антисоветской пропаганды, появляются научные исследования, посвященные поиску консенсуса в понимании и объяснении этих трагических страниц российской истории [3; 14; 16].

В последние годы пересматриваются взгляды на экономическое положение России накануне революции 1917 г. Идет дискуссия, в которой «оптимисты» подчеркивают значительный рост уровня жизни подданных Российской империи в начале XX века. Так, Б. Н. Миронов утверждает, что революции начала XX века произошли не потому, что Россия после Великих реформ 1860-х годов вступила в состояние глобального перманентного кризиса, а потому, что общество (вследствие особых обстоятельств, порожденных войной и ожесточенной борьбой за власть между элитами) не справилось с процессом перехода от традиции к модерну. Рассматривая с социологической точки зрения историю России и происхождение революции, он подчеркивает, что конфликт традиции и современности не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее возможность, ставшую реальностью в силу обстоятельств – трудностей военного времени и борьбы за власть между оппозицией и монархией [8; 9, с. 113]. В то же время «пессимисты» связывают

уменьшение душевого потребления в России с ростом населения. По мнению С. А. Нефёдова, быстрый рост населения России в XIX веке привел к нехватке продовольственных ресурсов и резкому увеличению молодежи в возрастной структуре населения, что значительно усилило социальную активность и повысило агрессивность общества, выплеснувшуюся в форме революционного взрыва [10].

Сторонники модернизационной парадигмы акцентируют внимание на анализе того, насколько правящая элита справлялась с вызовами времени и понимала необходимость реформ. Ю. А. Петров считает, что революция в России произошла из-за неготовности государства адекватно отвечать на вызовы времени, что привело его к столкновению с демократизирующимся обществом, в связи с чем необходимо больше внимания уделять изучению состояния политической жизни накануне революции 1917 г., развитию гражданского общества [13].

Обратим внимание на позицию В. А. Никонова, который полагает, что такие «объективные факторы», как слабое экономическое развитие страны, осуществлявшаяся авторитарными методами модернизация, обнищание масс, не привели бы сами по себе к революции в России [11]. Экономика была на подъеме; после революции 1905 г. Россия фактически превратилась в конституционную монархию, предоставившую населению значительный набор основных прав; страной управлял хорошо подготовленный к своей роли монарх. Главный вывод автора состоит в том, что произошедшая в феврале революция рукотворна, она стала итогом целенаправленных действий либеральной верхушки общества, поддержанной крупной буржуазией и военными. Февральская революция, приведшая к слому государственной власти в России, стала следствием целой комбинации заговоров – в аристократической верхушке, в Думе, в среде крупных промышленников, в военных и социалистических кругах. Революция, таким образом, стала результатом серьезного раскола внутри российской элиты, лишь этим можно объяснить то, что произошло в России в феврале 1917 г., а Октябрь явился уже следствием краха прежней государственной власти в феврале.

Б. И. Колоницкий акцентирует внимание на том, что революция произошла неожиданно, несмотря на то что люди тогда

жили в ожидании кризиса, он оказался непредсказуем именно в это время и в такой ситуации [5]. Ситуацию усугубило доминирование тогда в стране культуры гражданской войны и отсутствие компромисса – то, что впоследствии помогло большевикам прийти к власти. Помимо этого, в России в начале XX века сформировалась развитая субкультура революционного подполья, большевики выглядели более креативными, чем представители других политических сил. Николай II оказался плохим политиком, сделавшим много стратегических и тактических ошибок. Например, недооценка властями значения двух столиц – огромная политическая ошибка. Наконец, культ вождя народа, известный по фигурам Ленина и Сталина, зародился не в советское время, а весной и летом 1917 г. «Первая любовь революции» А. Ф. Керенский стал первым носителем и отчасти изобретателем этого культа. Традиция монархической культуры обогатилась традицией почитания партийных вождей, возродилась в новом образе уникального вождя революционной армии и революционного народа, востребованном разными слоями общества.

Российские исследователи также стремятся рассматривать революцию в России не как историческое событие, а как исторический процесс, расширяя ее временные границы. Так, Н. С. Розов определяет в широком смысле хронологические рамки Русской революции с предыстории 1905–1907 гг. и до становления сталинского режима в конце 1920-х годов [15]. Революционный процесс он рассматривает в контексте пяти автономных процессов модернизации общества: секуляризации, роста творческой свободы в культуре, бюрократизации, индустриализации и демократизации. Выявляя общие связи между этими процессами и характером революции в таких аспектах, как уровень насилия, успех революции (смена власти, существенные уступки) или ее провал (победа реакции), а также тип и тенденции развития постреволюционного режима в условиях Русской революции, автор показывает, чем была обусловлена специфика ее траектории. По мнению Н. С. Розова, революция привела к односторонней «модернизации». Благодаря социалистической индустриализации и бюрократизации (становлению «номенклатуры») советское государство значительно усилилось, что стало фактором последующих успехов: триумфа 1945 г.

и достижения статуса сверхдержавы. Однако в аспектах секуляризации, творческой свободы и демократии произошла контр-модернизация, с чем связана непрочность модернизационных достижений: ослабление и распад советского государства, турбулентность последующего развития России, соскальзывание бюрократии к неопатримониализму, торможение и свертывание постперестроечной демократизации, утрата передовых позиций в науке и образовании, негласное возвращение цензуры в культуре и десекуляризация общества.

В русле осмысления исторического опыта XX века активизировалось изучение «красного», советского проекта, реализация которого началась в 1917 г. Для Л. Н. Мазур возникший в ходе революции 1917 г. советский проект «социалистического строительства» и создания «идеального» общества, опирающийся на утопические представления о коммунизме, натолкнулся на объективные препятствия (естественные границы) и в 1920–1930-е годы неоднократно менялся, пытаясь приспособиться к внутренним закономерностям конструируемых социальных объектов и их системным характеристикам [6, с. 25]. Итоговую советскую модель общества автор рассматривает как компромиссный вариант, основанный на новом соотношении идей, стратегических и тактических целей, положенных в основу коммунистического проекта.

В контексте рассуждений о «закономерности» или «случайности» революции обратим внимание на позицию И. Г. Яковенко, полагающего, что случайных революций не бывает, поскольку процессы, в которых участвуют миллионы людей, неизбежны и закономерны [18]. Это объективный исторический процесс. При всей трагичности революций они принципиально неустранимы. В революциях находит свое разрешение конфликт между устойчивым структурным началом любого общества и универсальным императивом изменений. Ответственность за революции в большей степени лежит на элитах, которые располагают интеллектуальными и организационными ресурсами для понимания реальности, постижения логики истории и формирования разумной политики, но не обнаруживают способности преодолеть идеологические барьеры и пожертвовать малым, чтобы спасти многое. И в меньшей степени – на широких народных

массах, которые однажды отказываются терпеть и сметают «старый порядок».

По мнению И. К. Пантина, появилось целое направление ниспровергателей и обличителей Октябрьской революции [12]. Для них она – проявление «бесовщины», «выплеск первобытных варварских сил», «позорное пятно в российской истории» и т. п. Разумеется, в стране, прошедшей школу трех революций, не просто прославлять революцию и энергию масс, силой сломавшую старый порядок. Тем более восхвалять сталинский режим, где насилие государства по отношению к народу было возведено в норму. Но критикуя эту практику, подчеркивает автор, нельзя не видеть, что в революции наш народ впервые в своей истории обрел субъектность – качество, без которого России было бы невозможно справиться с драматическими вызовами современности. И пусть самостоятельная воля народных масс оборачивалась насилием, подавить которое было под силу только якобинской организации, необходимой для успеха этой самодеятельности, именно субъектность масс, созданная революцией, позволила нашей стране сделать гигантский исторический рывок и позже выстоять в борьбе с фашизмом.

Анализируя юбилейные тенденции в освещении революции 1917 г., исследователи отмечают, что актуализация исторического опыта революции связана с поиском общих мест в исторической памяти для примирения российского социума [1]. Для этого необходимо «объединение исторического сообщества на основе общих подходов к предстоящей годовщине», путем достижения большей исторической объективности в освещении событий столетней давности. В современных публикациях подчеркивается органичность революционных событий 1917 г. историческому пути России, особенностям ее цивилизационного развития, говорится о Великой Российской Революции как о едином процессе, захватившем продолжительный период времени, подчеркивается, что без 1917 г. не было бы «грандиозного исторического проекта», в результате которого «было создано мощное государство, ставшее преемником исторической России, организатором своеобразной модернизации».

В то же время в современной историографии акцентируется внимание на трагических последствиях 1917 г. для россий-

ской цивилизации, отмечается, что в ходе революции «Русская православная церковь, хребет русской государственности, была уничтожена как класс», при этом «били не по священникам, а по церкви как по институту государственной власти».

Еще одна тенденция – попытки извлечения исторического опыта, поиск исторических параллелей между 1917 и 1991 гг. Констатируя, что Россия в XX веке исчерпала «лимит на революции», авторы вместе с тем выражают сомнение в том, что на волне празднования юбилея «будет найден некий компромисс и достигнуто некоторое примирение с тем, что касается исторических событий столетней давности».

Попыткой преодолеть мировоззренческие и концептуальные различия в «понимании» революционного феномена 1917 г. стало использование в последние годы концепта «Великая российская революция 1917 г.». Как отметил А. О. Чубарьян: «Наибольшие дискуссии происходили по истории XX века. Мне всегда казалось, что в отношении революции у нас в обществе уже есть консенсус, но даже среди ученых обнаружили разные мнения. Вначале это было названо „Октябрьский переворот“, но после серьезных дискуссий мы пришли к тому, что этот период следует назвать „Великой российской революцией 1917 года“, которая включает в себе процесс, который шел несколько лет, с 1917 до 1921 года, окончания Гражданской войны. Это комплекс революционных событий, в которые органически входят Февральская и Октябрьская революции» [17]. Такой подход позволяет акцентировать внимание на: 1) масштабе социальных потрясений; 2) глубине и многомерности порожденных Великой российской революцией изменений, не только на пространстве России, но и в мировой истории; 3) попытке реализации особого варианта модернизационного проекта, облеченного в форму «социализма-коммунизма»; 4) ценностном измерении феномена 1917 г.

Литература и источники

1. Андреев Д., Бордюгов Г. Процесс пошел: определились основные идеологические тенденции юбилейного года // Гефтер. URL: <http://gefter.ru/archive/21178> (дата обращения: 31.05 2017).

2. *Голдстоун Дж.* Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

3. *Жиромская В. Б.* Проблема красного и белого террора 1917–1920 годов в отечественной историографии // Труды Института российской истории РАН. 2004. № 4. С. 240–265.

4. *Коллинз Р.* Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: Изд-во УРСС, 2015.

5. *Колоницкий Б. И.* «Товарищ Керенский». Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017.

6. *Мазур Л. Н.* Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917–1936 годах // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.

7. *Медушевский А. Н.* Революция и диктатура // Социологический журнал. 1995. Вып. 3. С. 40–70.

8. *Мионов Б. Н.* Историческая социология России: в 2 ч.: учеб. для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017.

9. *Мионов Б. Н.* Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // Общественные науки и современность. 2013. № 3. С. 106–115.

10. *Нефёдов С. А.* Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 96–107.

11. *Никонов В. А.* Крушение России. 1917. М.: АСТ, 2011.

12. *Пантин И. К.* Революция и насилие (в защиту исторического подхода к оценке Октябрьской революции) // Общественные науки и современность. 2017. № 1. С. 140–155.

13. *Петров Ю. А.* Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16.

14. *Ратьковский И. С.* Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М.: Алгоритм, 2016.

15. *Розов Н. С.* Вектор русской революции 1917 г. – модернизация или контрмодернизация? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 8–25.

16. *Трофимов А. В., Иванов А. В., Плюйко Д. В.* Конфликтность и толерантность в российском обществе в годы Гражданской войны (на примере Урала и Сибири): историографическое осмысление. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2014.

17. Чубарьян А. О. О новом учебнике истории. URL: <http://www.nakanune.ru/articles/18265> (дата обращения 30.05.2017).

18. Яковенко И. Г. Мышление революцией // *Общественные науки и современность*. 2017. № 3. С. 87–96.

The phenomenon of the revolution of 1917: contemporary methodological and historiographical approaches

The article identifies existing methodological approaches to better understand the phenomenon of revolutions in the process of social change. Presents the scientific arguments of the representatives of the fourth generation theory of revolution (John. Goldstone, R. Collins). Characterized by dominating in modern Russian historiography, the approaches to explaining underlying causes and the nature of the Russian revolution of 1917 Shows the possibility of using cognitive potential of the modernization paradigm in the analysis of the revolutionary process in Russia. We consider the views of the «optimists» and «pessimists» on the economic situation of Russia before the revolution. It is revealed that in modern historiography of the 1917 revolution is studied as a historical event, civilizational process and social project. Jubilee analyzes trends in the lighting revolution of 1917, the main explanatory concepts that exist in the historical consciousness of modern Russian society.

Keywords: the phenomenon of revolution; the Great Russian revolution of 1917; methodology; historiography.

Л. А. Коноплева
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и философии
Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-12. E-mail: kip-lak@mail.ru

Продовольственный кризис и революционная ситуация 1916–1917 гг.

В статье рассматриваются проблемы продовольственного кризиса 1916–1917 гг. и анализируются причины его развития. Очевидно, что неспособность правящей элиты, царского и Временного правительств урегулировать решение продовольственной проблемы стала основным революционизирующим фактором. Автор приводит объективные данные, доказывающие несостоятельность мнения ряда исследователей, что хлебные бунты в Петрограде в феврале 1917 г. явились в первую очередь результатом заговора и умышленного создания дефицита с целью вызвать народные волнения. Представленный материал позволяет доказать, что продовольственный кризис был вызван целым рядом как объективных, так и субъективных причин. В статье отражена динамика нарастания продовольственной проблемы начиная с проведения реформ П. А. Столыпина, лишь усугубившаяся началом Первой мировой войны. Автор стремится показать влияние продовольственного кризиса на революционную ситуацию в стране в феврале–октябре 1917 г.

Ключевые слова: продовольственный кризис; революционная ситуация; снабжение; Временное правительство; аграрная реформа; уровень жизни; Первая мировая война; дефицит.

Ключевой проблемой социально-экономических потрясений в истории любой страны является способность правящей элиты регулировать жизненный уровень наиболее незащищенных слоев, направленность социальной политики политической власти на удовлетворение насущных потребностей населения.

Никто не отрицает, что Россия в начале XX века по темпам экономического развития занимала ведущее место. Однако в стране сельское хозяйство оставалось на весьма низком уровне, жизнь основной массы населения была нищенской. Именно эти обстоятельства служили революционизирующим

фактором. О продовольственном кризисе, разразившемся в годы Первой мировой войны в России, нам известно по преимуществу как о перебоях с поставками хлеба в крупных городах, в основном в столице, в феврале 1917 г. При этом стоит отметить достаточно часто звучащее в последнее время утверждение, что перебои с хлебом в крупных промышленных центрах страны, и в первую очередь в Петрограде, явились результатом заговора, умышленного создания дефицита с целью вызвать народные волнения. Мало того, снова приобретает популярность «конспирологическая» точка зрения о заговоре сил, оппозиционных царскому правительству.

Необходимо отметить, что в действительности продовольственный кризис был вызван целым рядом как объективных, так и субъективных причин. Нарастание и обострение продовольственной проблемы стоит искать еще в начале XX века, когда была предпринята попытка провести реформы в аграрном секторе [6].

Известно, что история не терпит сослагательного наклонения. Интересной темой для размышлений мог бы стать вопрос о том, что стало *бы* с Россией, если *бы* столыпинская аграрная реформа перед войной привела к результатам, на которые рассчитывал сам реформатор и его сторонники. Еще В. И. Ленин признавал: «...если столыпинская политика продержится действительно долго... тогда добросовестные марксисты прямо и открыто выкинут вовсе всякую „аграрную программу...“, ибо после „решения“ аграрного вопроса в столыпинском духе никакой иной революции, способной изменить серьезно экономические условия жизни крестьянских масс, быть не может» [3, с. 326].

Когда Россия в 1914 г. вступила в войну, она единственная из воевавших стран могла себе позволить не думать о хлебе. И сегодня не стоит забывать о том, что осуществлению столыпинских преобразований помешала непоследовательная политика. Анализ исторического опыта реформирования России в начале XX века позволяет выявить глубинные объективные и субъективные причины, обрекшие реформы на неудачу.

Во-первых, следует отметить, что реформы с самого начала пошли не так, как задумывал их автор. История страны свиде-

тельствовала, что в России сложилось два социокультурных пространства, две субкультуры – правящей элиты и «безмолвствующего» большинства [5]. Основной проблемой, которая с самого начала определила негативную тенденцию, более ярко проявившуюся в условиях массового голода 1912 г. и особенно с началом войны в 1914 г., явилось сохранение общинных традиций. В деревне у П. А. Столыпина не оказалось той социальной среды, которая бы стала опорой дальнейших преобразований, и его реформы не затронули помещичье землевладение. Крестьянские хозяйства были нацелены преимущественно на прокорм самих себя (в рамках хозяйства и общины), отправляя на рынок лишь невостребованные излишки. А частновладельческие (помещичьи и кулацкие) были построены на принципах капиталистического предприятия, которое, используя наемную рабочую силу, нацелено на получение прибыли с продажи урожая. Такой тип хозяйствования неизбежно приводил к недостатку продуктов питания.

Ситуация усугубилась с началом Первой мировой войны. Крестьяне, лишившись рабочих рук, но хорошо представляя себе, что такое война, затягивают пояса и расширяют посевы – усилиями всей семьи, женщин, детей и стариков. А капиталистические хозяйства, также лишившись рабочих рук (мобилизация сказалась и на рынке рабочей силы), сокращают их, поскольку эти хозяйства просто не приспособлены к работе в таких условиях. Но главная проблема заключалась в том, что товарность зерна именно частновладельческих хозяйств была несоизмеримо выше крестьянской. К 1913 г. помещичьи и зажиточные хозяйства давали до 75 % всего товарного хлеба в стране. Сокращение именно этими хозяйствами посевных площадей существенно снизило поступление хлеба на рынок [7]. По результатам опроса местных властей 659 городов империи, проведенного 1 октября 1915 г., о недостатке продовольственных продуктов вообще заявили 500 городов (75,8 %), о недостатке ржи и ржаной муки – 348 (52,8 %), о недостатке пшеницы и пшеничной муки – 334 (50,7 %), о недостатке круп – 322 (48,8 %) [1].

Одной из реальных причин кризиса в сельском хозяйстве стала массовая мобилизация, прошедшая в стране в августе 1914 г. – в разгар уборочного сезона. Деревня лишилась в пер-

вый же год войны 7,5 млн работников, кроме того, все железные дороги были забиты составами с солдатами и вооружением, что создавало серьезные препятствия на пути поставок продовольствия в города. Именно нехватка рабочих рук стала первой и основной причиной продовольственного кризиса и дефицита в годы войны. Это неизбежно вело к сокращению посевов и сбора зерновых. К концу войны до трети хозяйств испытывали недостаток работников.

Одним из интересных источников по исследованию рынка продовольствия является работа члена партии эсеров Н. Д. Кондратьева, занимавшегося вопросами продовольственного снабжения во Временном правительстве. Его книга «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции» была издана в 1922 г. тиражом в 2 тыс. экземпляров и быстро стала библиографической редкостью [4]. Переиздана она была лишь в 1991 г. Приведенные в этой работе факты свидетельствуют, что продовольственный кризис зародился в России с началом Первой мировой войны в 1914 г. и получил свое развитие в последующие годы. Результаты опросов городов и уездов в октябре 1915 г. отражают перетекание кризиса в 1916 г. Надвигалась продовольственная катастрофа, в ноябре 1916 г. в стране было введено карточное распределение основных продуктов питания. При этом в последнее время появились данные, свидетельствующие о том, что материальное положение российского населения было лучше немецкого. В Германии карточная система на хлеб была введена в январе 1915 г., и к концу 1916 г. она распространилась на все важнейшие продукты питания. Норма хлеба постепенно понижалась и в 1917 г. достигла всего 170 г в день, масла и жиров – до 60–90 г в неделю. Введенная с началом войны государственная хлебная монополия в 1916 г. приняла форму принудительной продовольственной разверстки. В России же твердые цены на хлеб, обязательные при государственной закупке для армии, были установлены в августе 1915 г., почти на год позже, чем в Германии. Летом 1916 г., на полтора года позже, чем в Германии, в городах 34 губерний возникла карточная система, нормировавшая хлеб и сахар (при этом нормы были существенно выше, чем в Германии). Интерес представляет сравнительный анализ мер, принятых российским правитель-

ством по снабжению населения продовольствием. Несмотря на недостаточную эффективность этих мер, систему жесткого нормирования потребления продовольствия российские власти применить не решились из-за опасений социального взрыва. Правительство Германии, напротив, ввело нормирование продовольственного обеспечения. Это вызвало серьезное недовольство и, безусловно, привело к временному росту социальной напряженности, однако для Российской империи отказ от такой политики обернулся катастрофой. Продовольственный кризис зимы 1916/1917 гг. дал импульс для массовых протестных движений, которые завершились революцией [2].

При этом обходятся молчанием те факты, которые свидетельствуют, что такое ужесточение в России произошло уже в начале 1917 г.

Попыткой решить проблему снабжения стало постановление от 25 марта 1917 г. «О передаче хлеба в распоряжение государства», фактически это означало установление в стране хлебной монополии, предусматривающей полное изъятие всех запасов хлеба, которые оставались в руках крестьян. Эти вынужденные меры вели к еще большему обострению социальной обстановки в стране.

Литература и источники

1. *Борисов В. И.* Продовольственное положение и нарастание революционного кризиса в России осенью 1917 г. URL: <https://www.google.ru/url> (дата обращения: 02.03.2017).
2. *Бородкин Л.* Был ли продовольственный кризис причиной революции? URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2017/03/17> (дата обращения: 22.05.2017).
3. *История* в вопросах и ответах: учеб. пособие / сост. С. А. Кислицын. Ростов н/Д: Феникс, 1999.
4. *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Новая деревня, 1922.
5. *Коноплева Л. А.* К оценке аграрных преобразований в начале XX века: противоречия экономической политики на Урале // Экономические преобразования в России: исторический опыт и перспективы развития. К 110-летию начала аграрной реформы П. А. Столыпина: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О. А. Рущицкой, К. П. Стожко. Екатеринбург: УрГАУ, 2016. С. 92–95.

6. Коноплева Л. А., Борзихина И. В., Благодатских В. Г. Формирование конкурентной экономики в России на рубеже XIX–XX веков // Экономические реформы в России: к 110-летию аграрной реформы П. А. Столыпина: кол. монография / ред. Б. А. Воронин, К. П. Стожко, Н. Н. Целищев. Екатеринбург: УрГАУ; Изд-во «Ажур», 2017. С. 359–375.

7. Лысков Д. Ю. Глава 9.1. 1914–1917 гг.: Продовольственный кризис // Три революции. URL: <http://anticomprador.ru/publ/28-1-0-877> (дата обращения: 25.05.2017).

The food crisis and the revolutionary situation 1916–1917

This article discusses the problem of the food crisis 1916–1917 Gg. and analyzed the reasons for its development. Obviously, the inability of the ruling elite, the tsarist and provisional governments to resolve the food problem solution has become a major revolutionizing factor. The author gives objective facts proving the inconsistency of the opinions of some researchers that the grain riots in Petrograd in February 1917 were primarily the result of a conspiracy and deliberate creation of a deficit in order to cause popular unrest. The presented material in the article allows to prove that the food crisis was caused by a number of both objective and subjective reasons. At the same time, the article reflects the dynamics of the growing food problem, beginning with the implementation of the reforms of P.A. Stolypin and the outbreak of the First World War. The author seeks to show the influence of the food crisis on the revolutionary situation in the country in February–October 1917.

Keywords: food crisis; revolutionary situation; supply; Provisional Government; agrarian reform; standard of living; World War I; deficit.

Д. К. Стожко

Кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и философии
Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-12. E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Революция 1917 г.: «английский след»

В статье рассматривается «английский след» в истории революционных событий 1917 г. в России. На основе анализа первоисточников – воспоминаний участников тех событий, показана роль английской дипломатии и спецслужб в организации дворцового переворота, приведшего к отречению последнего российского императора Николая II, и последовавшей затем революционной смуты, ставшей причиной гражданской войны. Выдвинут и аргументирован тезис о переоценке и искажении участия германской стороны в указанных событиях 1917 г., что было характерно для советской исторической науки второй половины XX века.

Ключевые слова: агитация; заговор; измена; оппозиция; переворот; предательство; революция; союзники.

В российской исторической науке традиционным является мнение о том, что в осуществлении Февральской и Октябрьской революций 1917 г. активное финансовое и организационное участие принимала Германия. Действительно, немецкая сторона выделила стартовый капитал в 2 млн золотых марок для реализации этого замысла. Организационная сторона заключалась в подборе кадров и формировании соответствующих структур. Главным кадровым проводником данной идеи стал А. Парвус (Гельфанд), выходец из России с криминальным прошлым, который был завербован германской разведкой и при поддержке немецкого генштаба создал в Копенгагене (Дания) «Институт народных экономических исследований». И уже оттуда была раскинута шпионская сеть в Петрограде [29, с. 222].

Именно А. Парвус рекомендовал немецкой стороне в качестве официального лидера российского революционного движения В. И. Ленина, который в то время находился в Цюрихе (Швейцария) и готовился к участию в предстоящей революции, правда, пока исключительно теоретически. Вербовка будущего

лидера революции состоялась довольно быстро, и вскоре в знаменитом «пломбированном вагоне» он и его ближайшие «товарищи» оказываются в российской столице.

«Немецкое руководство понимает, что царь является единственной объединяющей силой в стране и что ослабление его власти – единственный путь, позволяющий ввергнуть страну в хаос и беспорядок. И вот в германском Генштабе и Министерстве иностранных дел созревают планы подрыва духа русских и целенаправленной подготовки революции в России – параллельно с дальнейшими военными ударами, чтобы побудить к мирным переговорам» [29, с. 224]. Такова наиболее распространенная версия последующих революционных событий.

Однако в советское время эта версия озвучивалась мало, поскольку с идеологической точки зрения социальные революции рассматривались как объективное разрешение антагонистических общественных конфликтов. Под революционные события 1917 г. подводилась вполне надежная база: бедственное положение народа, негативные последствия военных событий и т. д. И это было в целом верно. Но не в полной мере отражало ситуацию. В частности, ту игру, которую вели с Россией и за ее спиной не только ее политические противники, но и так называемые «союзники».

При этом в советской исторической науке активно использовалась позиция различных политических сил внутри самой России, в той или иной степени критически относившихся к монархии и самодержавию. Так, монархист В. В. Шульгин, который объяснял свою неприглядную роль в принятии отречения Николая II заботой о монархии, уже после революции писал: «Николай II был рожден на ступенях престола, но не для престола» [30, с. 382]. Что и говорить, «эксперт» высшей категории.

Но если уж убежденный монархист открыто выступал против монархии, то что можно говорить о других политических силах в российском обществе. И как можно было не использовать такое единодушие в советской историографии революционных событий 1917 г.! Тем более для того, чтобы скрыть от общества неприглядные страницы своей собственной истории. Можно себе представить, что было бы, если бы советский народ в своей массе узнал, что новая власть была приведена

к управлению российским государством не массовым вооруженным восстанием народа, а кучкой купленных политиков и парой-тройкой полков, в которых за иностранные деньги велась революционная агитация.

Однако действительность не столь проста, как это до сих пор представляется в отечественной исторической науке. Роль Германии в подготовке революционных событий, в принципе, достаточно известна. Но дело в том, что во многих политических потрясениях в России можно со всей отчетливостью выявить еще и «английский след». И этот «след» не просто встречается в российской истории, а встречается *часто*.

Напомним, что имеются сведения, согласно которым английское золото играло немаловажную роль в российской политике как при Елизавете Петровне, так и при Екатерине II. Так, не в последнюю очередь благодаря подкупам и силе английского золота Россия даже на какое-то время поменяла свою внешнеполитическую ориентацию. В 1742 г. посол Франции Ж. де Шетарди был отозван в Париж, а Россия 11 (23) декабря того же года подписала союзнический договор с Англией.

Известно также, что и после Октябрьской революции 1917 г. имело место агрессивное английское вмешательство во внутренние дела России. Мотивация была проста: Великобританию не устраивал мирный договор Германии и России и выход последней из войны.

В этой связи можно вспомнить о знаменитом английском шпионе Сиднее Рейли, который сначала пытался завербовать на службу Великобритании Председателя Высшего военного совета Советской республики, бывшего царского генерала разведки В. Д. Бонч-Бруевича; потом финансировал патриарха Тихона, выделив ему пять миллионов рублей для антисоветской деятельности. А затем организовал так называемый «заговор послов», целью которого были арест и убийство В. И. Ленина и ряда других руководителей государства. Все это осуществлялось, естественно, на английские деньги [9; 24]. После убийства 30 августа 1918 г. председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого и покушения на В. И. Ленина в Москве был арестован как соучастник этого заговора глава Британской дипломатической миссии Р. Локкарт [11].

Естественно, что доказательства в пользу утверждений об активном участии Великобритании в неблагоприятных действиях против России еще нуждаются в проверке, поскольку подобные вещи всегда оставались и остаются в тайне. Но, во-первых, многие из таких доказательств уже прошли проверку временем и оказались достоверными. А во-вторых, нет ничего тайного, что рано или поздно не стало бы явным.

Что касается событий 1917 г., то прологом к ним стало убийство Г. Е. Распутина. И в этих событиях также заметен «английский след». Естественно, что Германия не была заинтересована в устранении Распутина, выступавшего против войны и за «замирение». Эту позицию временщик навязал и императрице Александре Федоровне, которую стали обвинять чуть ли не в государственной измене (сепаратизме).

Затем больше: стали распространяться слухи о неизбежности отречения самого царя. Вот что писал по этому поводу уже после революции в своих «Воспоминаниях» бывший Председатель последней Государственной Думы М. В. Родзянко: «Мысль о принудительном отречении царя проводилась в Петрограде в конце 1916 года и начале 1917 года. Ко мне неоднократно с разных сторон обращались представители высшего общества. Многие при этом были совершенно искренне убеждены, что я подготавливаю переворот, и что мне в этом помогают многие из гвардейских офицеров и английский посол Бьюкенен» [19, с. 202].

Отметим два обстоятельства. *Во-первых*, М. В. Родзянко увязывает инициативу грядущего переворота с военными и с иностранной дипломатией. *Во-вторых*, в своих «Воспоминаниях» Родзянко пытается представить себя искренним радетелем о монархии и «снять с души» грех предательства. Но он постоянно оправдывается и проговаривается о своем участии в событиях тех лет. В частности, вот что он пишет о своем участии в тайной встрече с генералом А. М. Крымовым, активным сторонником организации дворцового переворота: «С начала января приехал с фронта генерал Крымов и просил дать ему возможность неофициальным образом осветить членам Думы катастрофическое положение армии, и ее настроения. У меня собрались многие из депутатов, членов Г. Совета и членов Особого

Совещания. Закончил Крымов приблизительно такими словами: настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, мы вас поддержим. Очевидно, что других средств нет» [19, с. 204].

И что же? Председатель Государственной Думы возмутился этими словами, прервал совещание, проинформировал царя о позиции генералитета и армии? Совсем нет. Он дал слово сначала кадету А. И. Шингареву, который заявил, что переворот необходим. Затем слово получил октябрист С. И. Шидловский, который прокричал, что «щадить и жалеть его (императора – *авт.*) нечего, когда он губит Россию». Тут же были приведены слова генерала А. А. Брусилова: «Если придется выбирать между царем и Россией – я пойду за Россией», и т. д.

Очевидно, что генерал А. М. Крымов, приехав с фронта, выражал не свое частное мнение. Ясно, что такова была точка зрения определенной части российского генералитета, среди которого с полной уверенностью можно назвать генералов М. В. Алексеева, А. А. Брусилова, Н. В. Рузского, Н. Н. Янушкевича и некоторых других, которые позднее примут участие в государственном перевороте или поддержат его. А эти генералы, как свидетельствует история, достаточно часто общались со своими английскими «коллегами».

В результате предварительного тайного сговора, по мнению О. А. Платонова, сформировался следующий «сюжет». Сначала генералы «задержат» царя, когда он будет ехать в Ставку из Петрограда, и добьются от него отречения. А затем Государственная Дума «узаконит» переворот, назначит «ответственное» правительство. Россия, естественно, продолжит «победоносную» войну. Генералу Крымову после всех этих событий отводилась роль генерал-губернатора Петрограда.

Кстати, генерал А. М. Крымов сначала вообще предлагал убить царя на военном смотре в марте 1917 г. [5, с. 36]. Но история распорядится так, что потенциальная жертва переживет своего предполагаемого палача: Крымов покончит с собой после неудавшегося путча генерала Л. Г. Корнилова в 1917 г.

Как утверждает О. А. Платонов, за всем этим стояли не только российские либералы из числа масонов, но и англий-

ские масоны [16, с. 190, 195]. Понятно, что убийство Г. Е. Распутина и тем более отстранение императрицы от власти было не в интересах немецкого Генерального штаба. Выделяя финансовые средства на организацию революционных событий в России, германская сторона не предусматривала никаких радикальных мер по смещению монарха и установлению республиканского строя. Кайзер Вильгельм сам был монархом, и было бы наивно полагать, что он видел в России что-либо другое, кроме монархии. Но организовать в столице своего противника небольшой путч в поддержку германофильских настроений – это пожалуйста. Отсюда можно сделать вывод о том, что роль германской стороны в революционных событиях 1917 г. в России была за последние сто лет «слегка преувеличена» или, как минимум, искажена.

А вот роль в этих событиях Великобритании явно недооценена. И напрасно, поскольку не только российские генералы, но и очень многие члены Государственной Думы так или иначе были связаны с Великобританией. Тот же П. Н. Милюков, лидер партии конституционных демократов (кадетов), в 1916 г. читал в Кембридже лекции о «превратностях» российской конституции и с удовольствием принимал участие в банкетах [12, с. 229–230]. Известным англоманом был и враг царя, лидер партии октябристов А. И. Гучков, «считавший Британскую империю образцом для подражания и восхищавшийся деятельностью лидера английской либеральной партии Ллойда Джорджа» [1, с. 90].

Не стоит думать, что упомянутое секретное совещание заговорщиков было единичным случаем в политической обстановке тех лет. Другим эпизодом зреющего заговора, в котором виден «английский след», стала встреча Родзянко в начале января 1917 г. с Великим князем Михаилом Александровичем (в пользу которого Николай II и подпишет свое отречение). М. В. Родзянко стал объяснять брату императора, что «правительство и императрица Александра Федоровна ведут Россию к сепаратному миру и позору, отдают нас в руки Германии» и что «пока она у власти – мы будем идти к гибели». На это Великий князь Михаил Александрович ответил: «Представьте, то же самое говорил моему брату Бьюкенен. Вся семья сознает, насколько вредна Александра Федоровна» [19, с. 206]. Речь идет об английском

после в Петрограде Джордже Бьюкенене (1910–1918 гг.), который публично заявлял, что «когда страна борется не на жизнь, а на смерть, ей не следует сковывать себя конституционными традициями» [2]. И который установил «самые тесные связи» с М. В. Родзянко и П. Н. Милюковым [12, с. 159]. В 1915 г. Дж. Бьюкенен организовал в российской столице «Общество сближения с Англией», через которое и осуществлял свое «неформальное» влияние на либеральные политические круги.

Таким образом, можно утверждать, что «английский след» в организации последующих революционных событий явно просматривается как на уровне военной верхушки (армия) и ближайшего окружения императора (семья), так и на уровне высших эшелонов власти (Государственная Дума). По свидетельству П. Г. Курлова (товарища министра внутренних дел), «потерявшее голову великосветское общество, в особенности после убийства Распутина и связанных с ним последующих выселок великих князей Дмитрия Павловича и Николая Михайловича, громко говорило о необходимости дворцового переворота» [10, с. 237].

Нужно заметить, что «английский след» в подготовке политических перемен в России можно обнаружить и намного раньше грозных событий 1916–1917 гг. Он, в частности, виден в формировании враждебных царскому режиму настроений среди солдат и офицеров, что поощрялось Великобританией и у «себя дома». Например, известный террорист Б. Савинков в своих «Воспоминаниях» писал, что еще в 1908 г. в Глазго в Шотландии, на кораблестроительном заводе Веккерса, при строительстве русского бронированного крейсера «Рюрик» шла открытая пропаганда против царизма среди матросов строящегося крейсера, которую вели представители партии социалистов-революционеров (эсеров) [22, с. 254]. Надо полагать, с молчаливого одобрения английских властей. При этом «планировалось покушение на царя при торжественном царском смотре, который должен был быть устроен при приеме крейсера», а сорвался этот план потому, что его раскрыл приехавший в июле 1908 г. в Глазго известный двойной агент царской охраны Азеф [3, с. 246–247].

А вот еще один факт: три из пяти дореволюционных съездов РСДРП прошли в Лондоне. Комментарии, думается, излишни.

Таким образом, можно сделать вывод, что правительство Великобритании еще задолго до войны активно готовилось к вмешательству во внутренние дела России. И отношения между двумя странами были далеко не простые.

Масла в огонь разгорающихся событий подлила также известная в России английская компания «Лена-Голдфилдс». В марте–апреле 1912 г. в Бодайбо Иркутской губернии на Ленских приисках произошли трагические события – расстрел рабочих. Вряд ли стоит безоговорочно соглашаться с мнением о том, что «вина за трагедию лежала полностью на провокаторах – большевиках» [18, с. 326]. Сегодня модно во всем обвинять большевиков.

Но ведь хозяйственную деятельность на Ленских приисках вела все-таки английская компания, которая не только недоплачивала рабочим, но часто просто задерживала заработную плату месяцами, обрекала рабочих на тяжелейшие условия труда, не оказывала им никакой медицинской помощи, вынуждая жить впроголодь. Рабочий день на приисках продолжался 13 часов. Иркутский губернатор Ф. А. Бантыш (1911–1913 гг.) признавал невыносимое положение рабочих на золотых рудниках [28, с. 311].

Интересно, что акционерами компании «Лена-Голдфилдс» были и высшие должностные лица в России. Среди акционеров компании числились великие князья, С. Ю. Витте, отдельные члены правительства. Это обстоятельство вполне можно рассматривать как определенный подкуп представителей государственной власти иностранным капиталом.

Результатом хищнической политики английской компании «Лена-Голдфилдс» стали Ленские события 1912 г. И их необходимо рассматривать в общей канве исторического процесса, приведшего Россию к революционным потрясениям 1917 г.

Поскольку золото по большей части уходило из страны и оседало в сейфах английских и французских банков, центральная власть объективно оказывалась в крайне затруднительной ситуации. С одной стороны, ей необходимо было выполнять союзнические обязательства и посылать на фронт все новые и новые полки и дивизии. А с другой стороны, у нее не было финансовых средств, необходимых для обеспечения

армии современным вооружением, провиантом, фуражом и т. д. Напомним, что за время войны Россия отправила только в одну Англию для закупки оружия более 700 млн золотых рублей [14, с. 503]. При этом английская сторона предоставляла вооружение своей союзнице отнюдь не по льготным ценам.

И в то же время косвенным образом пыталась оказывать влияние на внутреннюю политику российского правительства. Представители английских финансовых кругов, с лордом Ротшильдом во главе, с самого начала войны пытались добиться от русского посла в Лондоне графа А. Н. Бенкендорфа изменения некоторых российских законов [14, с. 504].

Еще более настойчиво Англия добивалась от России отправки солдат на восточный фронт, с тем чтобы «снять напряжение» на западном фронте. Тем самым война велась во многом за счет России и в ущерб ей. Знаменитый Брусиловский прорыв (май–август 1916 г.) состоялся под прямым нажимом союзников и фактически спас союзные армии в битве на Сомме под Верденом (ноябрь 1916 г.). О том, был ли этот прорыв заранее грамотно и всесторонне подготовлен или российские генералы осуществляли его наспех, а затем вину возложили на верховную власть, читатель может судить сам.

Практически все более или менее боеспособные войска, охранявшие Петроград (включая гвардию), давно были отправлены на фронт. И это обстоятельство сыграло свою роковую роль в последующих событиях. Как пишет шведский исследователь С. Скотт, «верной государю гвардии больше не существовало. Вернее сказать: полки существовали. Но те солдаты, которые служили в гвардии к началу войны, давно уже сложили головы. Сменившие их солдаты тоже почти все, как один, погибли на фронте. В гвардейских полках в Петрограде теперь служил третий и четвертый призыв. Тем самым Петроградский гарнизон состоял уже не из преданных государю солдат 1914 года. На их место пришли революционно настроенные рабочие, которыми, в свою очередь, командовал третий и четвертый призыв офицерского запаса. Именно поэтому события переросли в нечто большее, чем голодные бунты» [26, с. 77–78].

Первыми восстали солдаты столичного Волынского полка [14, с. 551]. Напомним, что В. И. Ленина в столице тогда еще

не было. Возникает вопрос: при чем тут германская сторона? Это уже много позже бывший министр иностранных дел России С. Д. Сазонов будет вспоминать: «К нам из Германии прибыла революция в лице Ленина и его сообщников, отдавшая себя на служение нашим врагам и радостно принятая ими как желанная сотрудница» [23].

Но зимой 1916–1917 гг. события режиссировались явно в другом месте. Объяснялось это некоторыми авторами просто: «В феврале 1917 г. царизм приближался к своей гибели. В таком развитии событий в полной мере был виноват сам царь. Поскольку он все больше хотел быть собственным премьер-министром, но не соответствовал этой роли, то во время войны никто не мог координировать действия различных институтов государства, прежде всего гражданских с военными» [21, с. 511]. А такое неэффективное руководство никак не устраивало союзников. В первую очередь Великобританию, боявшуюся выхода России из войны.

Постепенно ситуация обостряется. Неудачи Англии и Франции на западном фронте заставляют их оказывать все более решительное воздействие на «пятую колонну» в России. Разрабатываются новые сценарии государственного переворота. О. Платонов называет четыре варианта. *Во-первых*, план А. И. Гучкова, в котором главная роль отводилась генералу М. В. Алексееву. *Во-вторых*, план князя Г. Е. Львова, будущего главы Временного правительства, того самого, который уже через пять лет после революции, в 1922 г. будет восхищаться Советской властью, называя ее «общинным управлением государством» [25, с. 182–183]. Этот план предполагал также участие генерала Н. Н. Янушкевича. *В-третьих*, уже упоминавшийся выше «кровожадный» план генерала А. М. Крымова. И, наконец, *в-четвертых*, «морской» план, о котором рассказывал В. В. Шульгин. В соответствии с «морским» планом царя и царицу предполагалось под каким-то предлогом пригласить на броненосец и силой увезти в Англию [16, с. 191–198]. И во всех этих сценариях отчетливо виден «английский след».

Незадолго до февраля 1917 г. в Петроград прибыл крупнейший английский банкир лорд А. Мильнер, после чего действия по осуществлению государственного переворота в России

резко активизировались [17, с. 429]. О миссии А. Мильнера говорилось следующее: «Лорда Мильнера послали в Петроград, чтобы подготовить эту революцию, которая уничтожила самодержавие в стране-союзнице» [13, с. 47–51].

После приезда английского «гостя» посол Великобритании в России Дж. Бьюкенен еще более активно обсуждает сначала с царским генералитетом, затем с представителями Думы и, наконец (после отречения царя), с Временным правительством судьбу российского императора Николая II.

И если в начале обсуждений Великобритания не только была готова предоставить российскому императору и его семье политическое убежище, но даже инициировала это, то сразу после февральских событий 1917 г. англичане показали свое истинное лицо. Представители «туманного Альбиона» отказались от своих прежних предложений.

Вот что свидетельствует П. Н. Милюков: «Не могу сказать, что меня очень удивило, когда однажды на мой вопрос, что же делается для подготовки выезда Николая II за границу, сэр Джордж (Бьюкенен, английский посол – *авт.*) ответил мне, что английское правительство более не настаивает на своем предложении» [20, с. 214]. При этом он тут же говорит о своих ежедневных встречах с Дж. Бьюкененом и о манипуляциях с телеграммой, в которой император был приглашен в Великобританию. По существу, именно эти действия с подачи английского посла и стали причиной того, что царская семья оказалась, в конечном счете, совершенно в другом месте, где она и погибла.

Но радость Великобритании по поводу отречения российского императора оказалась преждевременной. Временное правительство, обещавшее Лондону «вести войну до победного конца», само очень скоро плохо кончило. И тут уж действительно не обошлось без «немецких друзей».

Об «английском следе» в подготовке событий 1917 г. еще в 20-е годы XX столетия в нашей отечественной литературе писали вполне определенно. Так, в Примечаниях от 1927 г. к «Воспоминаниям» М. В. Родзянко читаем: «Бьюкенен оказывал сильное давление на русскую внешнюю политику, диктуя волю английских империалистов. Вся деятельность правительства и Керенского проходила под непосредственным влиянием Бью-

кенена. Вопрос об отречении Николая был предварительно согласован с Бьюкененом. Неудачное выступление на фронте 18 июня 1917 г. также было предпринято под давлением последнего. После Октябрьской революции Бьюкенен участвовал в подготовке иностранной интервенции» [19, с. 258].

А вот более «свежая» оценка С. В. Перевезенцева: «В феврале 1917 года в Петрограде разразилась революция. Ее еще можно было остановить, но император Николай II, как символ российского самодержавия, оказался преданным и своими генералами, и либеральной оппозицией, и своими союзниками по Антанте – Англией и Францией, и даже своими ближайшими родственниками. Так, кузен императора, Великий князь Кирилл Владимирович, в дни Февральской революции нацепил красный бант и привел свой Гвардейский экипаж в ряды революционных солдат. А затем вывесил над своим домом красное полотнище – „флаг революционной России“! Именно этот Романов через семь лет, в 1924 г. в Париже объявит себя новым российским императором! А другой Великий князь, Николай Михайлович, узнав о революции, вне себя от восторга заявил, что „падение самодержавия обеспечит спасение и величие России“» [15, с. 621].

Спрашивается: какие еще необходимы свидетельства «английского следа» в революционных событиях 1917 г., если даже Великие князья, регулярно общавшиеся с английской дипломатией в столице, оказались врагами монархии? То обстоятельство, что советская и постсоветская историческая наука временно «забыла» об этом «следе» и только теперь начинает «вспоминать» о нем, отдельный вопрос. В угоду ли политическим пристрастиям или по каким-либо другим основаниям это произошло – вопрос для историков самой исторической науки.

История учит, что и друзья (союзники, партнеры) могут предавать и предают. Отсюда народная мудрость: «дружба – дружбой, а табачок врозь». Не случайны и такие выражения: «предают только свои»; «избавь меня, Боже, от друзей, а от врагов я избавлюсь сам». Ведь такой «друг» «в душу вьется, а в карман лезет» [4, с. 92].

Еще Цицерон говорил: «Глупцы и даже властолюбцы не погубят народ. Измена – вот что непоправимо! Враг у ворот не так страшен, потому что известен. Но изменник таится в ря-

дах защитников, его шепот гуляет по улицам. Он обращается к глубинам их сердца. Он отравляет их душу. Можно ли распознать его по облику? Нет. У него такой же говор, как и у его жертв, такое же лицо, такие же одежды. Он работает тайно, под покровом ночи. Вор и убийца не так страшен, как предатель» (Цит. по: [6, с. 36]).

Явный враг всегда менее опасен, чем враг тайный. Великобритания на протяжении всего XX века была то скрытым, то открытым противником России. Так случилось в марте 1918 г., когда она перешла к интервенции, высадив свои десанты в Архангельске и Мурманске. Так было и после Второй мировой войны (после знаменитой речи У. Черчилля в Фултоне), когда именно по ее инициативе началась «холодная война».

Кстати, будучи еще военным министром Великобритании, У. Черчилль выдвинул в 1917 г. знаменитый лозунг: «Мир с немецким народом, война с большевистской тиранией!» Это было крайне непопулярное в то время в Англии высказывание, ведь шла война с Германией. Но Черчилль вполне готов был пойти на компромисс с Германией за счет «жалкой России» [31, с. 257–258]. А вот России в ее праве пойти на мировую с Германией он категорически отказывал. Накануне и в период Второй мировой войны нечто подобное вновь повторилось.

Исходя из требований политкорректности, российские дипломаты все еще называют Великобританию нашим партнером. Но партнеры бывают разные. Если рассуждать объективно, то наши геополитические и экономические интересы никогда и нигде полностью не совпадали. Ни в Средней Азии, ни на Дальнем Востоке, ни в Европе. Ни в годы мировых войн (затягивание с поставками оружия, открытием второго фронта и т. д.), ни сейчас.

В своей известной книге «Кто убил Российскую империю. Главная тайна XX века» Н. Стариков прямо заявляет: «Именно наши союзники по Антанте убили Российскую империю. Первую скрипку в этом похоронном марше играла британская разведка» [27, с. 6]. И далее, в главе под названием «Кто стоял за Февралем», автор прямо пишет, что «февраль организовала не Германия» [27, с. 156].

Да и в самом названии книги Н. Старикова нет вопросительного знака. На основе анализа политики Великобритании

и ее подготовки к участию в Первой мировой войне он доказывает свой главный тезис.

Эту точку зрения разделяет и В. Д. Ермаков, который отмечает: «Несомненно, что в дни разложения царизма английское правительство и сэр Бьюкенен задумывались о целесообразности совершения военного переворота» и даже «определенно были замешаны» [7, с. 46].

Здесь необходимо отметить, что эмиссары английского правительства в России стремились как можно плотнее «сотрудничать» не только с политическими кругами страны и российским генералитетом, но и с офицерским составом российской армии. В качестве примера можно назвать так называемое «Общество англо-российского флага», о котором упоминает тот же М. В. Родзянко. В своих «Воспоминаниях» он описывает одно из заседаний этого общества, на котором выступал представитель английской армии майор Торнхвиль [19, с. 182]. Были и другие «форматы» такого «сотрудничества».

Думается, что приведенные нами примеры в полной мере подтверждают тезис об «английском следе» в подготовке революционных событий 1917 г. И как бы их участники в своих мемуарах ни пытались его скрыть, а себя обелить и доказать обратное, факты – упрямая вещь.

Известная древнеримская поговорка гласит: «*Quidquid id est, timeo Danaos et dona ferentes*» – «Что бы это ни было, боюсь данайцев даже и дары приносящих» [8, с. 622].

Смысл этого утверждения для многих наших современников может оказаться непонятным. Потому и необходимо изучать историю, как древнюю, так и совсем недавнюю. И это тот самый урок, который всем нам необходимо извлечь, чтобы в очередной раз не оказаться жертвой своих так называемых «друзей».

Литература и источники

1. Боханов А. Н. Александр Иванович Гучков // Россия на рубеже веков. Исторические портреты. М., 1991.
2. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: пер. с англ. М., 1991.
3. Великие шпионы. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000.

5. Деникин А. И. Очерки русской смуты: в 2 т. М., 1990. Т. 2.
6. Егорычев Ю. В. Россия – русский взгляд // Русский экономический вестник. 2012. № 9-10.
7. Ермаков В. Д. Посол Великобритании сэра Джордж Бьюкенен // Вестник СПбГУКИ. 2006. № 1(4).
8. Крылатые фразы древних римлян / сост. И. Смирнов, В. Левинский. М.: РИПОЛ-КЛАССИК, 1999.
9. Кук Э. На тайной службе Его Величества: пер. с англ. М.: Яуза, 2004.
10. Курлов П. Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1992.
11. Локкарт Р. Б. Сидней Рейли: шпион-легенда XX века: пер. с англ. М.: Центр-полиграф, 2001.
12. Милоков П. Н. Воспоминания: в 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 2.
13. Назаров М. Миссия русской эмиграции: в 2 т. Ставрополь, 1992. Т. 1.
14. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
15. Перевезенцев С. В. Россия. Великая судьба. М.: Белый город, 2006.
16. Платонов О. А. Заговор царевичей. М.: Алгоритм, 2005.
17. Платонов О. А. Покушение на русское царство. М.: Алгоритм, 2005.
18. Платонов О. А. Последний государь: жизнь и смерть. М.: Алгоритм, 2005.
19. Родзянко В. В. Крушение империи. Книга воспоминаний. М.: Скифы, 1991.
20. Россия гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М.: Книга, 1991.
21. Русские цари. 1547–1917. Ростов н/Д: Феникс, 1997.
22. Савинков Б. Избранное. Л.: Художественная литература, 1990.
23. Сазонов С. Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991.
24. Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России: пер. с англ. М.: ГИИЛ, 1947.
25. Селюнин В. Истоки // Селюнин В. Истоки. Шмелев Н. Авансы и долги. М.: Правда, 1990.
26. Скотт С. Романовы: пер. с англ. Екатеринбург: Ларин, 1993.

27. *Стариков Н.* Кто убил Российскую империю. Главная тайна XX века. М.: ЭКСМО, 2006.
28. *Стожко К. П.* История экономики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998.
29. *Хереш Э.* Николай II: пер. с англ. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
30. *Шульгин В. В.* Три столицы. М.: Современник, 1991.
31. *Юнкер Д., Айгнер Д.* Франклин Рузвельт. Уинстон Черчилль: пер. с нем. Ростов н/Д: Феникс, 1998.

The revolution of 1917: «the british trace»

The article deals with the English mark in the history of the revolutionary events of 1917 in Russia. Based on the analysis of the original sources – the memoirs of participants of those events shows the participation of the British diplomacy and intelligence in the organization of a Palace coup that led to the abdication of the last Russian Emperor Nicholas II from the throne and the ensuing revolutionary turmoil and civil war. Advanced and substantiated the thesis on the redefinition and distortion of the German side participation in these events of 1917, characteristic of the Soviet historical science of the second half of the twentieth century.

Keywords: propaganda; conspiracy; treason; opposition; revolution; betrayal; revolution; allies.

А. В. Трофимов

Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и философии
Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-12. E-mail: 2519612@rambler.ru

Качество жизни в Советском Союзе в 1953–1964 гг.: оценки и суждения

В статье рассматриваются современные историографические подходы к оценке параметров качества жизни в Советском Союзе в 1953–1964 гг. Показано влияние модернизационных процессов на эволюцию уровня и качества жизни населения в годы «хрущевских» реформ. Эти процессы позитивно влияли на улучшение качества жизни, меняли социально-политический и духовный климат в обществе, но абсолютные и средние показатели доходов и потребления населения, отражающие тенденцию роста благосостояния, сглаживают колебания реальных значений, нивелируют картину сложных процессов, разнонаправленно воздействующих на качество жизни людей. Представленный анализ существующих суждений и оценок потенциала социально-экономических реформ, проводимых в послесталинское десятилетие, и степени эффективности его реализации с позиций влияния на параметры уровня и качества жизни позволил выделить четыре основных смысловых концепта.

Ключевые слова: уровень и качество жизни; историография; Советский Союз; 1953–1964 гг.

В современной историографии существуют различные интерпретации потенциала социально-экономических реформ, проводимых в послесталинское десятилетие, и оценки степени эффективности его реализации с позиций влияния на качественные параметры жизни общества [11]. В русле модернизационной парадигмы советский исторический опыт трактуется как вариант перехода от традиционного к современному типу общества, с присущими советской мобилизационной модели этого перехода проблемами и противоречиями. «Хрущевское десятилетие» называют одним из важных периодов в российской истории XX века, так как именно тогда существовала возможность провести модернизацию не вдгонку, а на опережение других

стран, не повторяя в ускоренном темпе путь Запада. Обращается внимание на процесс возникновения и закрепления новых социальных связей, оформление в 1950–1960-е годы первых ячеек гражданского общества, чему способствовало прекращение политики открытого массового террора, не сопровождавшееся серьезными преобразованиями в политической системе. Исследователи отмечают черты ограниченности советского варианта модернизации, определяя ее как «консервативную», «инструментальную», оставшуюся незавершенной.

Для либерального направления в историографии характерна констатация имманентно присущей советской модели исторической бесперспективности, «утопии у власти». Отмечается, что советская модель, лишившая экономику внутренней мотивации к качественному труду, интенсификации производства и научно-техническому прогрессу, привела к долговременной тенденции замедления темпов экономического роста с конца 1950-х годов, к прекращению последнего с конца 1970-х годов и развалу СССР. Искусственное, плановое, идеологическое, дисциплинарное подстегивание темпов экономического роста способствовало количественному наращиванию «вала» советской продукции, как правило, неконкурентоспособной по стандартам мирового рынка, кроме продукции добывающей промышленности и военно-промышленного комплекса. В «нерыночном» СССР существовал особый административный рынок, жестко, но многомерно иерархизированная синкретичная система (где экономический и политический компоненты не могли быть разделены), в которой социальные статусы и потребительские блага конвертировались друг в друга по определенным правилам, меняющимся во времени. Критерии успешной деятельности на административном рынке заключались в повышении статуса в иерархиях власти. В стране действовала не командная система, а «экономика согласований», «бюрократический рынок», построенный на обмене-торговле, осуществляемой органами власти и отдельными лицами. На бюрократическом рынке происходил обмен не только материальными ценностями, но и властью и подчинением, правилами и исключениями из них, положением в обществе. Наряду с нарастающей экономической неэффективностью в СССР постепенно и неуклонно размывались внедряемые официальной пропагандой идеологи-

ческие ценности. За двадцать послевоенных лет в СССР родилось 70 млн новых граждан. Из-за быстрой урбанизации большая часть этой молодежи росла и получала образование не в селах и маленьких городках, а в крупных городах. Это было новое поколение советских граждан, в отличие от образованной молодежи 1930–1940-х годов, не грезящее о будущих сражениях за мировой социализм, а стремящееся к повышению уровня и качества жизни.

В современной историографии исследуются проблемы уровня и качества жизни в Советском Союзе в 1950–1960-е годы, изучаются поведенческие модели населения, результаты реализации государством социально-экономической стратегии [1; 3; 5; 6; 8; 9; 12]. Исследователи отмечают, что в это время происходило увеличение доходов и объемов потребления у различных групп советского социума, но также существовали проблемы, связанные с товарным снабжением, негативно отражавшиеся на качестве жизни населения, корректируя деятельностные стратегии граждан.

Анализ существующих суждений и оценок позволяет выделить следующие смысловые концепты. *Первый*: реформы были обусловлены прагматическими соображениями, являлись реакцией «коллективного руководства» на многочисленные проблемы, существовавшие в стране. В данном контексте реформы даже несколько «опережали» ожидания общества, существовавшего в условиях выживания. *Второй*: реформы (или часть из них) вызрели еще в сталинский период, и по существу продолжался курс на построение социализма и коммунизма, только менее жесткими административными методами, т. е. происходило постепенное смягчение мобилизационной системы. *Третий*: содержание реформ, наряду с устранением крайностей сталинского режима, это предательство интересов социализма и попытка (изначально обреченная на неудачу) соревноваться с Западом в построении своего варианта потребительского общества, т. е. фактически начало отказа от принципов ортодоксального социализма и начало краха СССР. *Четвертый*: являясь «драйверами» советской модернизации в условиях корректировки созданной при Сталине мобилизационной системы, завуалированные в коммунистическом дискурсе, эти реформы оста-

вили долговременные и неоднозначные последствия в социальном пространстве, оказали существенное влияние на параметры уровня и качества жизни населения страны.

Проблема качества жизни многоаспектна. Приведем три подхода к содержанию этого понятия:

1) выявление целого ряда социальных индикаторов, таких как население, семья, жилища, социальное обеспечение, здоровье и питание, защита от преступлений, образование и профессиональная подготовка, работа, доход, благосостояние и расходы, культура, отдых и использование свободного времени, социальная мобильность и участие в общественной жизни [2, с. 120];

2) использование индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) как интегрального показателя, рассчитываемого для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории. При подсчете ИРЧП учитываются три вида показателей: ожидаемая продолжительность жизни (оценивает долголетие); уровень грамотности населения страны (среднее количество лет, потраченных на обучение) и ожидаемая продолжительность обучения; уровень жизни, оцененный через ВНД на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) в долларах США;

3) выделение нескольких блоков индикаторов качества жизни. *Первый блок* характеризует здоровье населения и демографическое благополучие, которые оцениваются по уровням рождаемости, продолжительности жизни, естественного воспроизводства. *Второй блок* отражает удовлетворенность населения индивидуальными условиями жизни (достаток, жилище, питание, работа и др.), а также социальную удовлетворенность положением дел в государстве (справедливость власти, доступность образования и здравоохранения, безопасность существования, экологическое благополучие). *Третий блок* индикаторов оценивает духовное состояние общества. Уровень духовности определяется по характеру, спектру и числу творческих инициатив, инновационных проектов, по частоте нарушений общечеловеческих нравственных заповедей: «не убий», «не укради», «почитай отца и мать своих», «не сотвори себе кумира» и др. В качестве единиц измерения используются данные статистики

о социальных аномалиях, которые считаются «грехом» – нарушением соответствующих заповедей: убийства, грабежи, тяжкие телесные повреждения, брошенные пожилые родители и дети, алкогольные психозы. Там, где такие проступки встречаются чаще, уровень нравственного состояния ниже [7].

При обращении к категории качества жизни применительно к истории середины XX века необходимо учитывать, что в массовом советском обществе факторами, определяющими представления о желаемых жизненных параметрах и мотивацию поведения людей, направленную на улучшение качественных характеристик, являлись: 1) степень (мера) удовлетворения базовых, общечеловеческих экзистенциальных потребностей людей; 2) потребность в следовании принятым в обществе в качестве образцов социокультурным моделям поведения; 3) восприятие информационного воздействия на сознание людей средств массовой информации и пропаганды.

Проводимые в 1950–1960-е годы реформы позитивно влияли на улучшение качества жизни, меняли социально-политический и духовный климат в обществе, вселяли уверенность и надежду на возможность достойной жизни для себя и своих детей. Не случайно «хрущевский» период породил многие мифы, в том числе миф о быстром росте доходов и уровня жизни. Абсолютные и средние показатели доходов и потребления населения, отражающие тенденцию роста благосостояния, вместе с тем сглаживают колебания реальных значений, нивелируют картину сложных процессов, разнонаправленно воздействующих на качество жизни людей. Надежды и разочарования, вызываемые противоречивостью реформ, порождали социальное недовольство.

Обратим внимание на тенденции, свидетельствующие об изменениях некоторых важных параметров качества жизни. Наибольшие успехи были достигнуты в продолжительности жизни. Еще в конце 1950-х годов СССР, отставая по многим другим показателям уровня жизни от развитых стран, по этому критерию почти сравнялся с ними. За исторически короткий срок – немногим более 30 лет, с 1926–1927 по 1958–1959 гг., она выросла с 44 до 69 лет, т. е. на 25 лет [13, с. 282].

Известный специалист в области советской экономической истории Г. И. Ханин отмечает, что после смерти Сталина намечалось сокращение военных и других связанных с ними расходов (строительства ряда железнодорожных линий стратегического значения), а производство и особенно потребление продовольственных и непродовольственных товаров существенно возросло. Резкое повышение эффективности производства, определенное сокращение военных расходов в 1953–1954 гг. и использование части золотых резервов для закупки предметов потребления и сырья для их производства позволили начиная с 1953 г. качественно поднять выпуск предметов потребления и потребительскую способность населения. Наряду с заметным ростом производства традиционных товаров (мяса, молочных продуктов, тканей, обуви и т. д.) в этот период впервые в массовом масштабе было развернуто производство многих товаров культурно-бытового назначения долговременного пользования (выпуск наручных часов увеличился более чем в пять раз и достиг 8 млн шт., более чем в три раза вырос выпуск радиоприемников, началось массовое производство телевизоров, мебели). СССР с большим опозданием по сравнению с западными странами вступал в эру общества благосостояния. Все еще ничтожно малым оставался выпуск легковых автомобилей, холодильников и стиральных машин. Но заметно расширилось жилищное строительство, хотя это еще не могло существенно повлиять на обеспеченность населения жильем. Уровень жизни населения, по западным стандартам, все еще оставался низким, но приближение к этим стандартам уже началось, и для советских людей этот период представлялся временем расцвета, роста благосостояния и уменьшения товарного дефицита, по крайней мере в крупных городах [13, с. 107–108]. В начале 1960-х годов прогресс в сфере потребления материальных благ, сопровождающийся товарным дефицитом, оказался весьма неравномерным для отдельных категорий населения и не соответствовал правительственным обещаниям достижения изобилия в ближайшие 10–20 лет. Материальные блага распределялись в СССР традиционно неравномерно, как в территориальном разрезе, так и по социальным группам. В географическом аспекте привилегированными были крупные промышленные и административные

центры, прежде всего Москва и Ленинград. В социальном аспекте привилегированными были высший и средний чиновничий аппарат, жители закрытых городов, видные ученые и деятели культуры, работники торговли и др. Неравномерность в обеспечении материальными благами приводила к тому, что даже при их небольшом росте в целом по стране привилегированное меньшинство могло быстро наращивать это потребление, а большинство населения при этом потребляло меньше материальных благ. Это создавало в первой половине 1960-х годов у значительной части населения ощущение, что жить стало хуже, и способствовало усилению социальной напряженности, выразившейся в крупных социальных волнениях (Караганда, Новочеркасск и т. д.) [13, с. 283].

Жители Уральского региона, оказавшись в середине XX века на острие модернизационных процессов, в полной мере ощутили все «плюсы и минусы» советской социально-экономической политики. Экономика региона работала в первую очередь на оборонно-промышленный комплекс, на тяжелую индустрию, что оказывало непосредственное влияние на жизнь значительной части населения уральских городов. Овладение современными производственными технологиями, высокая степень ответственности, дисциплина труда достигались не только жесткими формами контроля, но и стимулировались высокими заработками и социальными льготами, что особенно ярко проявлялось в закрытых территориальных образованиях, население которых участвовало в создании «ракетно-ядерного щита». Так, только в трех уральских ЗАТО (Озерск, Лесной, Новоуральск) в 1960–1965 гг. жители покупали до 2 %, производимых в стране легковых автомобилей [10, с. 359].

Одной из проблем качества жизни в Советском Союзе была неудовлетворенность условиями труда, что способствовало росту текучести кадров. В 1956 г. в промышленности примерно один из трех рабочих менял место работы в течение года, тогда как в 1954 г. это делал только один из восьми [14, с. 366]. В то же время в результате «хрущевских» реформ повысилась социальная защищенность граждан: с 1956 г. началось поэтапное повышение зарплаты рабочим и служащим, занятым в сфере материального производства, были приняты закон о пенсиях, госу-

дарственные программы строительства больниц, школ, детских садов, жилья; в 1960 г. завершил переход рабочих и служащих на 6–7-часовой рабочий день. Повышается социальная мобильность населения в условиях отказа от жестких мер закрепления работников за предприятиями, характерных для военного и послевоенного времени.

Говоря о качестве жизни в Советском Союзе, необходимо учитывать, что ригоризм мобилизационного общества середины 1950-х годов в значительной мере базировался на представлениях о социальной справедливости (в ее социалистическом варианте – от каждого по способностям, каждому по его труду). Высокие темпы экономического роста в 1950-х годах свидетельствовали, что данный тезис являлся не только пропагандистским клише, а в значительной мере определял связь производительности труда с повышением уровня и качества жизни.

Важнейшим параметром, определяющим качество жизни, наряду с социально-экономическими характеристиками является социальный капитал, выражаемый в феномене доверия, под которым можно понимать: 1) привязанность к лицу, коллективу лиц или институту на основании обоснованных, но не бесспорных ожиданий, что они будут действовать мне на благо; 2) ожидания, основанные на веских, но не безупречных доказательствах, что события не будут разворачиваться пагубным для меня образом [15, с. 44]. Судя по социологическим опросам начала 1960-х годов наибольшей популярностью пользовались две жизненные ценности: успехи в строительстве коммунизма и социалистический коллективизм. Первая ценность тесно связывалась с результатами в одних случаях «героического», а в других «будничного» труда; вторая – с реализацией принципа «каждый за всех и все за одного», хотя на практике этот принцип трактовался неоднозначно, варьируя от благотворной взаимоподдержки и помощи людям до беспардонного вторжения в их частную жизнь, совпадающего с грубыми нарушениями прав личности на приватность [4, с. 524–525, 533]. Такая ситуация объясняется тем, что «объективация индивида в России преимущественно опиралась на практики горизонтального надзора среди равных по статусу... Этот надзор осуществлялся через три основные практики... обличение грехов, товарищеское увещевание и от-

лучение» [14, с. 472–474]. В Советском Союзе при И. В. Сталине началось создание системы упорядоченного контроля над всеми. Н. С. Хрущев собирался превратить страну в отлаженный механизм, где функции общественного контроля будут выполнять сами граждане, следящие друг за другом. Параллельно с этим построение «коммунизма» предполагало расширение «радиуса» доверия, предпринимались (неудавшиеся) попытки расширения доверительных общественных практик: магазины без продавца, общественный транспорт без контролеров и т. п. Эмоционально-психологический тонус, общее настроение к началу 1960-х годов – советский народ, в общем и целом, был на подъеме. Основанием была характерная для большинства населения высокая степень удовлетворения своей текущей жизнью и не менее высокая мера оптимизма людей при взгляде в будущее. Главная помеха счастью – война – казалась едва ли не стопроцентно устраненной. Широкая правительственная программа роста народного благосостояния давала твердую уверенность в том, что все идет к лучшему. Большинство молодых людей имело цели в жизни и было уверено в том, что эти цели будут достигнуты [4, с. 538].

Различные подходы и оценки качества жизни зависят от ракурса рассмотрения, методологических ориентиров, политико-идеологических пристрастий авторов. Необходимо также учитывать, что за риторикой о построении социализма в Советском Союзе скрывались модернизационные процессы, а главным критерием успешности модернизации является улучшение условий жизни людей. *Во-первых*, для большинства жителей страны главной проблемой, относившейся к качеству жизни, особенно в 1950-е годы, было сведение семейных доходов с расходами. Важнейшим индикатором качества жизни в социалистическом (индустриальном) обществе является представление людей о справедливости, оправданности существующих цен на продовольствие и промышленные товары и их динамике, доступности в торговой сети. Не задумываясь о сущности такой категории, как покупательная способность населения, люди ежедневно ощущают ее на бюджете своей семьи. Некоторый рост доходов населения СССР, начавшийся в середине 1950-х годов, достаточно жестко коррелировался как с размерами заработной платы,

объемом предложения товарной массы соответствующих отраслей промышленности и торговли, так и с принятыми тогда моделями потребительского поведения. Не случайно на уроках труда в школах девочек учили навыкам кройки и шитья, а мальчиков простейшим столярным и слесарным операциям. По умолчанию полагалось, что шить одежду – необходимый навык для любой женщины, а проведение домашнего ремонта – задача любого мужчины. *Во-вторых*, сравнение качественных параметров жизни происходило по двум основным линиям: для старших поколений – с тем, как жили до войны (Великой Отечественной), младших поколений – с жизнью родителей. *В-третьих*, нельзя не заметить и поляризацию в советском обществе, вызванную именно процессами изменения качества жизни: существенно различались условия жизни в городах и сельской местности, а в городах – у семей, получивших отдельные квартиры, и тех, кто продолжал жить в коммуналках, бараках и т. п. *В-четвертых*, позитивные изменения в качестве жизни, и прежде всего расширение степеней свободы человека (от совместного обучения мальчиков и девочек в школах до отдельных квартир и разрешения абортов), девальвировались следованием идеологизированным принципам: ограничение личных подсобных хозяйств, запрещение частнопредпринимательской деятельности и т. д. *В-пятых*, в условиях приоткрывавшегося «железного занавеса» внешние образцы и стандарты западного качества жизни выглядели достаточно привлекательно для многих советских людей, уставших жить в постоянной мобилизационной готовности к очередным жертвам в условиях враждебного капиталистического окружения. *В-шестых*, в советском образе жизни сосуществовали достигательные, девиантные, рискованные модели поведения, которые коррелировались с доступностью и качеством предлагаемых товаров и услуг. *В-седьмых*, в обыденном сознании, коллективном бессознательном представления и суждения о времени от смерти Сталина до отставки Хрущева существуют в широком диапазоне: от воспоминаний об «оттепели», реабилитации невинно осужденных, массового жилищного строительства, целины и кукурузы, освоения космоса и создания ракетно-ядерного щита, ожидания коммунизма до очередей за хлебом и нарастания социального недовольства.

Литература и источники

1. *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004.
2. *Бирман И.* Уровень русской жизни. М.: Экономика, 2007.
3. *Ващук А. С.* Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40–80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998.
4. *Грушин Б. А.* Четыре жизни России. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
5. *Зубкова Е. Ю.* «Привычка к бедности». Проблемы измерения уровня жизни в СССР в 1940–1960-е годы // *Российская история*. 2013. № 5. С. 92–104.
6. *Клинова М. А.* Уровень жизни городского населения РСФСР (1946–1991 гг.) в отечественной историографии. Екатеринбург. Изд-во УрГЭУ, 2014.
7. *Крупнов Ю.* Качество жизни // URL: http://www.kroupnov.ru/5/178_1.shtml.
8. *Лебина Н. Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы. Деконструкция большого стиля. Ленинград, 1950–1960-е гг. СПб.: Крига; Победа, 2015.
9. *Мамяченков В. Н.* Материальные условия жизни семей промышленных рабочих в 1953–1964 гг.: от Сталина до Брежнева: историко-экономическое исследование. Екатеринбург: АМБ, 2010.
10. *Опыт* российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов. Екатеринбург: Банк научной информации, 2011.
11. *Тертышный А. Т., Трофимов А. В.* Советский Союз (1945–1991 гг.): историографические традиции и концептуальные образы // *Уральский исторический вестник*. 2012. № 1. С. 85–96.
12. *Трофимов А. В.* Хрущевские реформы и качество жизни уральского населения // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: материалы VIII Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г.). М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2016. С. 367–375.
13. *Ханин Г. И.* Экономическая история России в новейшее время: монография: в 2 т. Новосибирск: НГТУ, 2008. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год.
14. *Хархордин О. В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: ЕУСПб, Летний Сад, 2002.
15. *Хоскинг Дж.* Доверие. История. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

The quality of life in the Soviet Union in 1953-1964 years: evaluation and judgement

The paper considers the current historiographical approaches to the assessment of quality of life in the Soviet Union in 1953–1964. It shows the influence of modernization processes on the evolution of the level and quality of life of the population in the years of «Khrushchev» reforms. They have a positive effect on improving the quality of life, changed social-political and spiritual climate in society, but absolute and average values of income and consumption, reflecting the growth trend of well-being, and smooth out fluctuations in the real values, negate the image of complex processes, multi-directional influencing the quality of life of people. Presents an analysis of the available judgment and estimates of the potential socio-economic reforms in the post-Stalin decade, and the effectiveness of its implementation, from the standpoint of influence on the parameters of the level and quality of life, allowed to distinguish four main semantic concept.

Keywords: the level and quality of life; historiography; Soviet Union; 1953–1964 years.

А. В. Чернов

Кандидат философских наук,

доцент кафедры истории и философии

Уральский государственный экономический университет

620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Контактный телефон: (343) 221-27-12. E-mail: chernovandr@yandex.ru

**Экономическая ситуация в России
накануне революций 1917 г.**

В статье речь идет о социальных и экономических проблемах в Российской империи накануне революционных событий 1917 г. Автор рассматривает тяжелый экономический кризис начала XX века в качестве одной из главных причин Февральской, а затем и Октябрьской революции. Приведенные в работе данные свидетельствуют, что российская экономика в начале XX века полностью утратила свой суверенитет и была фактически отдана на откуп иностранному капиталу. Вследствие крайне непродуманной экономической политики в обществе возник глубокий имущественный раскол между властью и основной массой населения, что в совокупности с другими факторами спровоцировало революции 1917 г.

Ключевые слова: Россия; Николай II; иностранный капитал; год; Февральская революция; Октябрьская революция.

Начнем наше исследование с афоризма В. О. Ключевского о том, что «История – не учительница, а назидательница; она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков» [1]. Дело в том, что 2017 г. не просто юбилейный, а почти что сакральный для нашей истории. При взгляде на нашу действительность иногда возникает ощущение дежавю и складывается впечатление, что Россия все это уже когда-то проходила... До сих пор нет ответа на самый мучительный вопрос: можно ли было избежать революции? Почему она вообще произошла, а точнее – почему в 1917 г. произошло сразу две революции, причем абсолютно противоположных по своему содержанию? Сделало ли наше общество необходимые выводы из этого и не наступим ли мы вновь на те же грабли? Давайте попробуем в этом разобраться.

Как известно со времени выхода знаменитой работы В. И. Ленина, революция возможна только тогда, когда «верхи не могут, низы не хотят» [9]. Такая ситуация складывается под воздействием многих факторов, основными из которых являются: недееспособность власти, тяжелый экономический кризис, активное вмешательство внешних сил. Естественно, эти и многие второстепенные факторы смешиваются и часто усиливают друг друга, что приводит к синергетическому эффекту и только ускоряет революцию. И пусть оппоненты обвиняют нас в излишней симпатии к марксизму, однако в этой статье речь пойдет об экономическом факторе, поскольку именно экономика служит главной причиной всех общественных катаклизмов.

С приходом к власти Николая II в конце XIX века экономическая ситуация в стране стала стремительно улучшаться, а промышленный подъем, начатый еще его отцом – Александром III, – резко ускорился. Однако проблема состояла в том, что бурный экономический рост был обусловлен вторжением иностранных капиталов. С точки зрения либералов, иностранные инвестиции – это безусловное благо, однако с точки зрения здравого смысла – это катастрофа, поскольку иностранцы очень быстро захватили все прибыльные сектора российской экономики. Последующая денежная реформа С. Ю. Витте окончательно разрушила суверенитет нашей экономики (см.: [2]). Как отмечал С. Ф. Шарапов, известный русский экономист славянофильской направленности и очевидец тех событий, «Россия распродается единственно ради поддержки золотой валюты» [2, с. 54].

В итоге непродуманной экономической политики конца XIX – начала XX века в страну хлынул, как мы сказали, иностранный капитал и очень быстро стал контролировать ключевые отрасли российской экономики. Так, «добыча угля в 1912 г. на рудниках 36 акционерных обществ Донбасса составляла 806,78 млн пудов. При этом 25 АО имели почти исключительно иностранный капитал. В руках иностранных обществ было свыше 70 % общей добычи угля в Донбассе... Около 90 % добычи платины в России находилось в руках иностранных компаний... Помимо концентрации свыше 3/4 торговли нефтью в России, иностранные финансовые синдикаты располагали в 1914 году собственной добычей нефти в размере около 60 % общеимперской добычи» [3].

Аналогично обстояли дела в несырьевых секторах экономики. Вот статистические данные, которые привел в своей работе С. Г. Кара-Мурза: «К 1910 году в металлургии банки владели 88 % акций, 67 % из этой доли принадлежало парижскому консорциуму из трех банков, а на все банки с участием (только участием!) русского капитала приходилось 18 % акций. В паровозостроении 100 % акций находилось в собственности двух банковских групп – парижской и немецкой. В судостроении 96 % капитала принадлежало банкам, в том числе 77 % – парижским» [6, с. 23]. Следствием этого стало прогрессирующее скатывание Российской империи в категорию должников: «При сумме государственных доходов России в 1906 г. 2,03 млрд р. государственный долг составил 7,68 млрд, причем на 3/4 это был внешний долг. Дефицит госбюджета в России составлял почти 1/4 доходов и покрывался новыми займами» [6, с. 23]. Другими словами, в начале XX века возникла классическая кабальная ситуация: для того чтобы выплачивать долги по одному кредиту, нужно было брать новые кредиты. Как мы видим, в то время не могло быть и речи об экономическом суверенитете, а, как известно, экономическая зависимость рано или поздно порождает и политическую.

Таким же образом складывалась ситуация и в сельском хозяйстве. Хотим сразу развенчать главный миф сторонников «России, которую мы потеряли» – миф о том, что наша страна в предреволюционный период «кормила полмира». Так, в 1913 г. Россия собрала рекордный урожай зерновых, с которым потом сравнивали все советские экономические показатели, – 5 311 222 тыс. пудов, что на 38,5 % превышало среднестатистическую норму «столыпинской пятилетки» (1906–1911 гг.) [10]. Разговоры о том, что мы «кормили полмира», основаны на данных по пшенице, урожай которой в 1913 г. действительно был самым большим в мире: Россия – 1 707 429 тыс. пудов; США – 1 267 342; Канада – 384 690; Аргентина – 218 559. А уже по совокупности всех зерновых культур – пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза – мы уступали: Россия – 5 311 222 тыс. пудов, США – 6 352 652. Если пересчитать эти показатели на душу населения, то картина становится иной: в России в 1913 г. было собрано 30,3 пуд/чел.; в США – 64,3; в Аргентине – 87,4; а в Канаде – 121 [10].

Картину дополняет то, что дореволюционную Россию, начиная с эпохи Александра III, систематически преследовал массовый голод, вызванный частыми неурожаями. Дошло до того, что царь законодательно запретил использовать в официальных документах и прессе слово «голод», а применять вместо него термин «недород». Согласно оценкам, голод 1891 г. унес в 50 губерниях европейской части империи до 1,75 млн чел. [5]. К сожалению, царское правительство не обеспокоилось этим, поскольку главным императивом стал циничный лозунг министра финансов И. А. Вышнеградского «не доедим, но вывезем». Однако выходило так, что недоедали одни, а золото от экспорта пшеницы получали другие...

Во времена Николая II голод стал еще более частым явлением, а его последствия усугубились, поскольку правительство вынуждено было вывозить хлеб за границу не только для пополнения бюджета, но уже и для покрытия долговых обязательств. Фактически приходилось отнимать хлеб у крестьян, чтобы рассчитаться с европейскими кредиторами, что только разжигало страсти в деревне и приводило к многочисленным голодным бунтам. Чтобы лучше вникнуть в данную тему, отсылаем всех желающих к знаменитому труду очевидца тех событий В. Г. Короленко «В голодный год» [7], где описаны судьбы простых крестьян, которых автор вместе с добровольцами спасал от голода. Всем сторонникам «России, которую мы потеряли» стоит обязательно ознакомиться с этой работой.

Как удручающее, если не сказать катастрофическое, оценивали общее состояние русской деревни незадолго до революций 1917 г. даже сторонники царского правительства. Так, в 1909 г. известный монархист М. О. Меньшиков писал: «С каждым годом армия русская становится всё более хворой и физически неспособной... Из трех парней трудно выбрать одного, вполне годного для службы... Плохое питание в деревне, бродячая жизнь на заработках, – вот причины физического истощения... Около 40 % новобранцев почти в первый раз ели мясо по поступлении на военную службу. На службе солдат ест кроме хорошего хлеба отличные мясные щи и кашу, т. е. то, о чем многие не имеют уже понятия в деревне» (Цит. по: [8]). Акцентируем внимание: четверо из десяти призывников впервые

в жизни пробовали мясо в армии! Возможно ли было с такой армией победить кайзеровскую Германию? Впрочем, вопрос скорее риторический.

Учитывая отнюдь не бедственное положение привилегированных слоев российского общества и сформировавшегося к этому времени городского среднего класса, с одной стороны, и откровенно нищенское существование крестьянских масс, с другой стороны, можно понять глубину социального расслоения. По некоторым оценкам, величина децильного коэффициента накануне революций 1917 г. составляла 25–30 крат [4], что и спровоцировало мощный социальный взрыв сначала в феврале, а потом и в октябре [11, с. 39]. Иными словами, избежать революций было уже невозможно.

Из приведенных данных видно, что социально-экономическая обстановка в России в 1917 г. была крайне тяжелой, что в совокупности с неудачами на фронте и недееспособностью царского правительства привело к революционному слому системы. Однако ответить на еще один важный вопрос – о том, сделаны ли сегодня все необходимые выводы из событий столетней давности, – мы не можем. Складывается впечатление, что В. О. Ключевский прав, и история действительно «ничему не учит», поскольку никаких выводов не сделано до сих пор либо они напрочь забыты. А это вселяет тревогу и надежду одновременно.

Литература

1. *Афоризмы* и изречения В. О. Ключевского. URL: <http://www.e-reading.club/chapter.php/95045/55> (дата обращения: 12.05.2017).
2. *Байбиков В. Ю.* Денежная реформа С. Ю. Витте в оценке консерваторов // Вестник Финансового университета. 2014. № 1(13).
3. *Галицкий М.* Иностранные капиталы в русской промышленности перед войной. М., 1922.
4. *Децильный коэффициент неравенства доходов* // Наша энциклопедия. URL: <http://www.tr.rkrp-rpk.ru/get.php?1230> (дата обращения: 15.05.2017).
5. *История голода в России до революции и после нее* // Исторический дискуссионный клуб. URL: <http://www.historicaldis.ru/blog/43276701286> (дата обращения: 13.05.2017).
6. *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2016.

7. *Короленко В. Г.* В голодный год // Собр. соч.: в 10 т. Т. 9. М.: ГИХЛ, 1955.

8. *Краснов П.* Голод в России в конце XIX – начале XX века. URL: <http://www.maxpark.com/community/politic/content/1716342> (дата обращения: 15.05.2017).

9. *Ленин В. И.* Маевка революционного пролетариата // Социал-Демократ. 1913. № 31. 15(28) июня. URL: <http://www.leninism.su/works/61-tom-23/2386> (дата обращения: 15.05.2017).

10. *Так какую Россию мы потеряли?* // Polemika и дискуссии. URL: <http://www.polemics.ru/articles/?articleID=2091&hideText=0&itemPage=5> (дата обращения: 13.05.2017).

11. *Чернов А. В.* Патернализм и принцип социальной справедливости как атрибуты социального государства // Управленец. 2014. № 4(50).

The economic situation in Russia on the eve of revolutions of 1917

In this article we are talking about the social and economic problems in the Russian Empire on the eve of the revolutionary events of 1917. The author examines the difficult economic crisis of the early twentieth century as one of the main causes of the February and later the October revolutions. Based on shown data, we understand that the Russian economy in the early twentieth century completely lost its sovereignty and was actually farmed out to foreign capital. Due to extremely ineffective economic policy of Government in society there is a profound property split between the elite and the common people, which together with other factors, provoked the Revolutions of 1917.

Keywords: Russia; Nikolas II; foreign capital; hunger; the February revolution; the October revolution.

Содержание

Благодатских В. Г., Стожко Д. К. Теория и практика партии эсеров в 1917 г.	3
Борзихина И. В. Политические слухи накануне революции 1917 г. (по мемуарам А. И. Спиридовича «Великая война и Февральская революция (1914–1917 гг.)»).....	14
Злыгостев А. А., Чернов А. В. Идеологическое пространство России в 1917 и 2017 гг.: культурно-исторический анализ.....	29
Каменская Е. В. Советские газеты как исторический источник: специфика и возможности использования.....	37
Клинова М. А. Октябрьская революция в визуальных образах журнала «Крокодил» 1930–1940-х годов.....	45
Клинова М. А., Трофимов А. В. Феномен революции 1917 г.: современные методологические и историографические подходы.....	53
Коноплева Л. А. Продовольственный кризис и революционная ситуация 1916–1917 гг.	66
Стожко Д. К. Революция 1917 г.: «английский след».....	72
Трофимов А. В. Качество жизни в Советском Союзе в 1953–1964 гг.: оценки и суждения.....	88
Чернов А. В. Экономическая ситуация в России накануне революций 1917 г.	100

Научное издание

ЧЕЛОВЕК. ОБЩЕСТВО. ВЛАСТЬ

К 100-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Сборник научных статей

Редактор и корректор *Л. В. Матвеева*
Компьютерная верстка *И. В. Засухиной*

Поз. 73. Подписано в печать 04.12.2017.
Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Печать плоская.
Уч.-изд. л. 5,3. Усл. печ. л. 6,3. Печ. л. 6,8. Тираж 72 экз. Заказ 689.
Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета